18+

Валерий Анишкин

На распутье

роман-размышление

Валерий Анишкин

На распутье. роман-размышление

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18325102
ISBN 9785447471392

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Эта книга о любви и об интеллигенции, вынужденной с трудом выживать в бурные, противоречивые и смутные времена перестройки, когда в пылу борьбы власть забывала о народе. В книге рассказывается о судьбах молодых людей, которые в поисках своего места в новых условиях вынуждены были покидать Россию. В книге много диалогов и много действия, что делает чтение легким и занимательным, несмотря на серьезность обозначенной темы.Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	52
Глава 5	65
Глава 6	83
Глава 7	98
Глава 8	114
Конец ознакомительного фрагмента.	126

На распутье
роман-размышление

Валерий Анишкин

Посвящаю жене Таисии Ивановне
и моей любимой дочери
Людмиле Шманевой

© Валерий Анишкин, 2016

ISBN 978-5-4474-7139-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Жир кита из семи букв.

Виталий Юрьевич отложил в сторону ручку, сдвинул на кончик носа очки и, наклонив по бычьи голову, глянул исподлобья на жену. Он хотел было ответить, но Ольга Алексеевна уже забыла про «жир кита» и быстро спросила:

– А это что за монстр такой с бычьей головой? Восемь букв.

– Наверно, минотавр. Если ты помнишь древнегреческую мифологию, царь острова Крит Минос отправлял на съедение чудовищу с туловищем человека и головой быка юношей и девушек, которых афиняне посылали в качестве дани.

– Не помню. Расскажи, – Ольга Алексеевна живо повернулась к мужу.

– Перечитай «Мифы Древней Греции». Тесей или Тезей, царь Афин, убил Минотавра, а помогла ему Ариадна, дочь Миноса, которая дала Тесею меч и клубок. С помощью этого клубка Тесей выбрался из лабиринта. Отсюда, «нить Ариадны».

Виталий Юрьевич усмехнулся:

– Странно ты разгадываешь кроссворды. Не ответишь на один вопрос, тут же лезешь на другую клетку.

– А если я не знаю!

– Так ты подумай, открой энциклопедию, посмотри.

– Как умею, так и разгадываю, – беззлобно огрызнулась Ольга Алексеевна.

– Да это на здоровье, – согласился Виталий Юрьевич. – Просто я этого не понимаю. Кстати, «жир кита» из семи букв – ворвань. Только ворвань – это не китовый, а всякий жир млекопитающих и рыб, то есть дельфинов, тюленей и так далее.

– Никогда не слышала!

– Век живи – век учись! – засмеялся Виталий Юрьевич. Чуть помолчал и сказал:

– А знаешь, это слово у меня почему-то ассоциируется с прошлым, словно оно из тех веков, когда в реках и морях полно было рыбы, а в лесах зверья. И из рек можно было смело пить воду, как из родников. Представляешь, чистая, прозрачная вода, и дно на два метра видно. Да что там далеко ходить. Помню, после войны мы, мальчишки, на речке пропадали, купались, рыбу сетками ловили. Знаешь, в противнях пробивали гвоздем дырки, к краям привязывали бечевки с палкой-поплавком наверху. Минут через двадцать вытаскиваешь тихонько свою самодельную снасть, вода стекает, а там полно ершей, окуней и пескарей… Мужики как в бане с мылом мылись, а бабы белье полоскали, выбивая его валиками на чистых камнях…

Лицо Виталия Юрьевича, обычно жесткое и озабоченное, приобрело мечтательное выражение. Нахмуренные брови разошлись, и сразу разгладилась упрямая вертикальная

морщинка над переносицей, глаза подобрели, и даже усы и аккуратная докторская бородка потеряли обычную солидность.

– Ты-то этого не помнишь, ты тогда еще совсем малявкой была.

– Ну, конечно, молодая, – усмехнулась Ольга Алексеевна. Она давно бросила свой кроссворд и сидела так, положив ладони рук на колени, и слушала мужа.

«Все еще красавица», – отметил про себя Виталий Юрьевич. «И годы ее не берут. Какая-нибудь немка давно бы скукожилась от такой жизни, а наши только хорошеют. Вот где загадка природы!».

Ольга Алексеевна и впрямь была хороша. Правильные черты лица, гордая посадка головы, к которой очень шли гладко зачесанные волосы, чуть тронутые сединой, прямая спина – все это складывалось в ту стать, которая выделяет из толпы и волнует мужчин. Виталий Юрьевич молча любовался женой, и мягкая улыбка плавала на губах и молодила его. Но скоро лицо его стало прежним, жестким и озабоченным, будто он примерил новую маску, но она ему не подошла, и он поспешил освободиться от нее.

– Скажи мне еще двадцать лет назад, что придется воду за деньги покупать, не поверил бы… А теперь в реках и рыбы не стало.

– Откуда же ей быть, если в реки химические отходы сбрасывают! Сестра Тая пишет, в Азовском море уже осетра

не осталось.

– Ну, это другое, это результат браконьерства.

– Так у них работы нет, – сказала Ольга Алексеевна. – Зачем нормальному человеку воровать, если он сыт?

– Знаешь, оправдать можно все, – возразил Виталий Юрьевич. – Но ты посмотри, как мы ведем себя на своей земле! Мы же не хозяева, мы – захватчики. Браконьеры свой промысел давно поставили на промышленный уровень. Турция, в чьих водах вообще нет осетров, имеет на мировом рынке почти на тридцать процентов больше этой продукции, чем Россия… Варварски вырубаются леса, уничтожаются редкие породы зверей, лосось до нереста не доходит: его бьют ради икры. А выбросы в атмосферу? Дышать человеку стало нечем… Я так полагаю, что человек позапрошлого века сейчас не выжил бы… Невольно в скорый апокалипсис поверишь!

– Да нас этим апокалипсисом каждый день пугают, – заметила Ольга Алексеевна. – Хоть телевизор не включай. То комета вот-вот в землю врежется, то извержения вулканов все лавой зальют и пеплом засыплют, то инопланетяне землю захватить собираются. И ты туда же!

– Ну, может быть, нас пугать и не надо, но если на земле случались катастрофы и исчезали цивилизации, то и мы не исключение, и рано или поздно это произойдет… Мы забыли, что Земля – наш дом, и другого у нас нет. И если мы будем продолжать издеваться над нашей планетой, то ката-

строфа неминуема. А человечество, само не сознавая это, идет к катастрофе, и нас спасти может только чудо.

– Что ж это за чудо такое? – в голосе Ольги Алексеевны слышалась ирония. Она спокойно воспринимала горячие и неравнодушные слова мужа. Она его и любила за это неравнодушие, которое относилось и к отдельному человеку и к человечеству в целом. И друг его, профессор истории Алексей Николаевич, был ему под стать. Встречаясь, они спорили до хрипоты, ссорились, расставались и вновь сходились, чтобы спорить. Ольга Алексеевна смотрела на это снисходительно, не видела в этих спорах смысла, также как и в телевизионных шоу, где сходились политики, говорили прописные истины, не имеющие никакого практического значения для людей, брызгали слюной и обличали с нулевым результатом, но видела в этом генетический менталитет русских интеллигентов: говорить и говорить бесконечно о судьбах России.

Ольга Алексеевна вспомнила актрису Волкову, которая рассказала, как на Невском встретила знакомую, старую петербурженку, и та между прочим спросила: «А у тебя есть свой письменный стол?» и, получив отрицательный ответ, искренне удивилась: «А где же ты рассуждаешь о судьбах интеллигенции?»

«Вот уж правда, что у нас кухня и политика – больше, чем просто кухня и просто политика», – подумала Ольга Алексеевна и невольно улыбнулась, глядя на разгоряченное лицо

мужа.

– А это чудо, которого не будет, потому что человек не образумится никогда. Он будет гнать себя по пути технического прогресса, пока не упадет в вырытую им самим яму. И чем более технически развитыми мы становимся, тем ближе катастрофа. Мы теряем контроль над ситуацией. Техника дошла до того, что мы можем сканировать человеческий мозг. И скажи, зачем тогда человек?.. Мы становимся все более рациональными. Умирает романтика, а с ней беднеет культура. Прогресс науки и техники заслоняет духовность.

– Но технический прогресс – это закономерность, – возразила Ольга Алексеевна. – Человечество не может не развиваться. Это удел человека разумного. Сначала колесо – потом космос. Иначе мы бы так и застряли в каменном веке.

– Как сказал Энгельс, разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу? – усмехнулся Виталий Юрьевич.

– Так ты, что же, против технического прогресса?

– А ты знаешь, против! – живо откликнулся Виталий Юрьевич. – Может быть, человеку нужно было идти не по пути технического развития, а совершенствоваться духовно и развивать в себе все то, что заложено в нас было, когда мы, человечество, находились в колыбели своей жизни. Почему бы не допустить, что в человека изначально были заложены другие способности? Это и телекинез, и телепатия, и способность предвидения. Все это, может быть, спит в че-

ловеке. Вот по телевизору показывали девочку из Саранска, Машу Демкину, которая видит человека как в рентгеновских лучах и может диагностировать больного… По большому счету, человеку не нужно много, ибо жизнь коротка. Sub specie aeterni[1], это миг. А потому, человек должен стремиться на Земле к совершенному физическому и нравственному состоянию. И это его цель. Технический прогресс отнял у нас разум. Мы «покоряем» природу, мы «покоряем» Космос и сами не понимаем, что этим разрушаем свой мир. Природу не нужно «покорять», с ней нужно жить в гармонии и не ставить себя выше животного мира. Ведь в животном мире все гармонично сосуществует. Это глупость, что закон джунглей – сила. На воле серны пасутся рядом с хищниками совершенно спокойно, а те охотятся только тогда, когда голодны. И вообще, Земля слишком мала для политических баталий, междоусобиц и кровавых разборок вроде войн.

Виталий Юрьевич говорил быстро и не очень связно, пытаясь утвердить эту свою космическую философию, уместить ее в рамки научной гипотезы и совместить несовместимое.

– Между прочим, многие великие воспринимали технический прогресс негативно. Руссо, например, хотел бы от машинного производства и мануфактуры вернуться к временам послефеодального ремесленничества, а Лев Толстой к временам патриархального крестьянского уклада. То есть,

[1] С точки зрения вечности

их идеалом было возвращение к старым добрым временам.

– Может быть, ты в чем-то и прав, – мягко сказала Ольга Алексеевна. – Только вопрос, могло ли человечество пойти по другому пути?

– А почему нет? Наша цивилизация – это всего лишь одна из нескольких земных цивилизаций, и она выбрала такой путь развития. А прежние далекие цивилизации, о существовании которых мы можем только догадываться, могли развиваться по-другому. И следующие цивилизации могут быть не техногенными. Это, конечно, если мы оставим после себя Землю пригодной для жизни. А что наша цивилизация не имеет никаких шансов на сколько-нибудь длительное существование, – очевидно. Уже это тысячелетие заканчивается страшно, а следующее принесет неминуемую гибель человечеству.

– Эк, как тебя занесло. Это с чего ж ты так решил? – неподдельное удивление было в словах Ольги Алексеевны.

– Противостояние мусульманского и христианского мира, международный терроризм, непрекращающиеся войны. Иногда кажется, что люди больше думают об уничтожении друг друга, а не о благе своего дома… Известно, что Земля способна к саморегуляции, но она не успевает за деятельностью человека… А теперь представь, что будет с планетой, если случится глобальная катастрофа? Несколько сотен атомных реакторов взорвутся, и радиация поразит все на долгие века, вызывая мутацию растительного и живот-

ного мира. И это, в лучшем случае. А ядерное оружие? Да и не только ядерное, а вся масса, которой нет числа?.. Вот теперь и скажи, человечеству это нужно?

– Мрачную картину ты нарисовал, – покачала головой Ольга Алексеевна. – Даст Бог, мы этого не увидим.

– Apres nous le deluge[2], как сказал Людовик XV, или вполне вероятно, Помпадур – Виталий Юрьевич усмехнулся, вернул очки на место и повернулся к столу, чтобы снова уткнуться в свои рукописи, но Ольга Алексеевна не дала погрузиться мужу в мир его литературных фантазий.

– Ума не приложу, что завтра готовить, – сказала Ольга Алексеевна – Денег только на хлеб осталось.

– Подумаешь, дело великое! Через два дня пенсию принесут, – беззаботно промолвил Виталий Юрьевич.

– Два дня прожить надо, – щеки Ольги Алексеевны начали розоветь. Она досадовала на себя за то, что не сумела растянуть деньги так, чтобы хватило до следующей пенсии. – У нас есть сто тысяч, но это для Милы. Я их отложила и не трогаю.

– Ну и хорошо. – Виталий Юрьевич поднял голову от письменного стола. – Обойдемся. Не обойдемся, у Чернышевых займем.

– Может быть, и обойдемся, – вздохнула Ольга Алексеевна. – За Милу душа болит.

– А я говорил, пусть переходит к нам. Вместе легче. Нет,

---

[2] После нас – хоть потоп (фр).

упрямая коза. В тебя. Ты тоже, если упрешься, то хоть кол на голове теши.

Ольга Алексеевна промолчала, не желая вступать в бесполезный спор и объяснять то, что и так ясно: не упрямство, а характер, желание самой решать свои проблемы, не перекладывая на других, даже если это родители.

Виталий Юрьевич тоже чувствовал себя неловко, и эта неловкость была от того, что он, мужик, не может обеспечить достаток в доме.

Два года назад после операции по поводу грыжи межпозвонкового диска и довольно тягостного лечения он ушел с завода на пенсию по инвалидности, рассчитывая на то, что достаточный трудовой стаж и приличный по советским меркам заработок начальника отдела обеспечат ему в скором будущем хорошую пенсию по выслуге лет, но инфляция и какая-то идиотская возня государственных структур, которые постоянно пытались подогнать пенсии под обстоятельства тощего бюджета, и издавали то один, то другой закон для начисления пенсий, довели их размер до абсурда.

Иностранные языки, в основном английский, давали дополнительный заработок. «Новые русские» осознали необходимость знания иностранного языка в современном мире и вели свои чада на выучку. Так что с осени по весну в семье заводились дополнительные деньги. Но, во-первых, деньги были не такие, чтобы их можно было отложить на «черный день», во-вторых, в мае ученики уходили на школьные эк-

замены, а потом уезжали с родителями на моря и возвращались и вновь набирались только к октябрю, в лучшем случае, к середине сентября.

Ольга Алексеевна уволилась с того же завода, где работала ведущим конструктором в ОКБ, потому что зарплату не только не платили, но и не обещали в обозримом будущем. Она стала на учет на биржу труда, получала пособие и училась на курсах газооператоров…

Виталий Юрьевич снял очки, подышал на стекла, протер их носовым платком и положил в очечник.

– Наверно, зря я с завода ушел, – вяло сказал Виталий Юрьевич. – Работал бы, да работал.

– Брось, не трави себе душу! – Ты помнишь, как там все валилось и банкротилось?.. Наши деньги прокручивали через банки, верхушка получала барыши, а мы месяцами не видели зарплаты… Люди увольнялись десятками… А помнишь, что Большаков творил?..

Виталий Юрьевич помнил. Он помнил, как генеральный директор Большаков провел хитрую приватизацию и фактически стал хозяином объединения «Фотон», положил себе баснословную зарплату и тут же взял беспроцентную ссуду в миллион еще тех, советских рублей, чего не мог позволить себе никто больше, и с кем-то на паях открыл доходное предприятие в Москве. Учитывая стремительную инфляцию, через два года, теперь уже господин Большаков, вернул заводу мелочь. Так что миллион достался ему даром.

Завод стал разваливаться на глазах: сворачивались производства и освобождались помещения, которые тут же выгодно сдавались под магазины и офисы.

– Правильно сделал, что ушел, – твердо сказала Ольга Алексеевна. – В конце концов, здоровье дороже.

Виталий Юрьевич неопределенно пожал плечами, помолчал и сказал вдруг:

– Не живем, а копошимся в каком-то дерьме… Наверно, про нас в Евангелии говорится: «Оставь их: они слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму».

– Пустое дело «воду в ступе толочь», – Ольга Алексеевна встала с кресла. – Кто-то умный сказал, что если ты не можешь изменить обстоятельства, то старайся приспособиться к ним.

– Марк Аврелий сказал. Только не «приспособиться», а «изменить отношение к ним».

– Ну, пусть так, – согласилась Ольга Алексеевна.

Глава 2

В дверь позвонили, и Ольга Алексеевна поспешила в прихожую.

– Дед, иди, смотри, кто к нам пришел! Ласточка наша пришла, внученька наша. Ух, ты, красавица! – заворковала в прихожей Ольга Алексеевна.

Виталий Юрьевич вышел и с улыбкой смотрел, как жена тормошит четырехлетнюю Катеньку, стаскивает с нее легкое, по сезону, еще не вступившей в свои полные права осени, пальтецо, снимает ботиночки и засовывает ножки в теплые самовязанные из козьей шерсти слитки.

Дочь повесила плащ на вешалку и, устало опустившись на банкетку, стягивала длинные, до колен, сапоги.

– Как дела, дочка? – спросил Виталий Юрьевич.

– Да все также. Нужно искать работу. Стоило ли институт кончать, чтобы методистом Дома творчества работать. Не педагог, а нянька. Ладно была бы зарплата, а то сто шестьдесят тысяч, на которые даже сапог не купишь.

За столом разговор шел в том же духе: как обеспечить сносное житье для Милы и ребенка, где найти приличную работу. И куда ни кинь – всюду клин. Все связи, которые могли бы помочь, у Виталия Юрьевича остались на заводе, и они не имели теперь никакого практического значения. Пробовал он вспомнить своих старых приятелей, с которыми учил-

ся в школе или в институте, находил их телефоны, звонил, но с удивлением узнавал вдруг, что кто-то умер, а кто-то тоже не у дел. Виталий Юрьевич надеялся на помощь своего однокурсника, который, насколько он помнил, стал заведующим ГОРОНО. Уж в какую-нибудь школу тот мог бы Милу пристроить, но и здесь его ждала полная неудача.

– Виталик?.. Анохин?.. Да помню, помню, зарокотал знакомый бас. – Рад слышать тебя, старик. Лет десять не виделись, а? Как-то Лару встретил, тебя вспомнили. Лару-то помнишь? Ты ж за ней, вроде, волочился?.. Ах, это Колька Егоров? А я думал, ты… Как-нибудь надо нам созвониться, да встретиться… Помочь, говоришь? Извини, старик, не могу. Выперли меня. За что? Да ни за что. Когда компартию Ельцин запретил – меня и выперли. Тогда многих выперли. Если сам Струков не удержался, чего о нас, грешных, говорить! Струков теперь не обкомом, а плодово-ягодной станцией командует. Зато, говорят, докторскую защитил. А я теперь во Дворце пионеров, или как там теперь его называют, авиамодельным кружком руковожу.

Еще поговорили о том, о сем, вспомнили старых знакомых, тем все и кончилось.

– Мил, – поднял глаза на дочь Виталий Юрьевич. – А почему ты не хочешь попросить Андрея Николаевича, Элькиного отца? Он же сейчас в фаворе. Новое начальство вроде его поднимает. Кем он сейчас?

– Он, пап, начальник облсельхозтехники.

– Ну, это солидно, учитывая дефицит сельхозтехники.

– Они вроде недавно новую квартиру получили. Где-то в элитном месте, – отозвалась Ольга Алексеевна.

– Да, четырехкомнатную, на набережной Дубровинского, – подтвердила Мила.

– Так чего ж ты не попросишь? У нас другого варианта просто нет, – вопросительно посмотрел на дочь Виталий Юрьевич. – Это же твоя близкая подруга. Вы же с детского сада, со школы вместе.

– Пап, напрямую с Андреем Николаевичем я об этом говорить не могу. А с Элькой я говорила. Только, чтобы меня устроить, Андрей Николаевич должен кого-то просить, а это значит, что он кому-то будет обязан. А он этого позволить себе не может. Элька сказала, что это для него принципиально.

– Да ёлки-палки, – взорвалась Ольга Алексеевна. – Хоть и обязан. Сказать так лучшей подруге. Ну, мир перевернулся. У меня нет слов.

– Мам, ты ничего не понимаешь. Вы живете старыми представлениями. Андрей Николаевич – это уже другие отношения, это другая сфера и другой менталитет.

– Как вы быстро новые слова в язык вбрасываете. «Шопинг», «электорат». Что это за «менталитет» такой? Английское «mental» – умственный, «mentality» – умственное развитие, склад ума.

– Ну, что-то в этом роде. Менталитет – это образ мышле-

ния.

– Тогда уж лучше «ментатет» от «mentation» – процесс мышления.

– Пап, ну тебя с твоими лингвистическими изысками. Сейчас строится новое общество. Поезд идет. Кто-то успел запрыгнуть, а кто-то остался на перроне.

– Элькин отец, значит, успел запрыгнуть? – ехидно заметил Виталий Юрьевич.

– Значит успел. Говорят, его назначат зам главы администрации по сельскому хозяйству.

– Ничего себе, – не удержалась Ольга Алексеевна. – То-то, я смотрю, Раиса Петровна даже не остановилась, мимо прошла, когда я ее встретила возле «Светланы». Я же помню, как они приехали из Малаховки, где он был заведующим райсельхозтехникой. Тогда Раиска окликала меня аж с другой стороны улицы. Во, дела пошли!

– Раиса Петровна прошла мимо, потому что спешила и тебя просто не заметила. А ты, мам, становишься в позу базарной бабы… Почему Андрей Николаевич не может занимать серьезный пост? Он же не дурак, не пьяница. Человек порядочный, так что вполне достоин. И вообще мне этот разговор неприятен, и я не хочу его продолжать.

– Мила, да не в том дело, что достоин-недостоин, а в том, что люди на глазах меняются, стоит им чуть над другими подняться. Здесь-то и раскрывается человек в полной мере… Слава богу, хоть не министром назначили.

– Катя, – прикрикнула Мила, – ну-ка, ешь нормально.

Катя съела половину сосиски и толкла вилкой в тарелке картошку.

– Не хочу картошку, хочу мандарин, – насупилась Катя.

– Съешь картошку, потом мандарин.

– Я съем сосиску, а картошку не буду, упрямо повторила Катя.

– Ладно, ешь сосиску, – сдалась Мила и пожаловалась: – Вот так и воюем. Воспитательница в саду жалуется: плохо ест. Из-за стола самая последняя выходит.

– Не последняя, – возразила Катя. – Артем последний.

– Вот видишь, мам, оказывается не последняя. А ну, давай ешь, не разговаривай.

Ольга Алексеевна засмеялась:

– Ничего, ты тоже в детстве плохо ела. Зачем ребенка насиловать? Захочет – поест.

– Между прочим, Мила, – Виталий Юрьевич нервно помешивал ложечкой чай, и пальцы немного дрожали. – Дружба предполагает гораздо большее, чем обмен секретами по телефону или при встречах. Настоящая дружба – это не только взаимопонимание, но и готовность придти на помощь в любую минуту. Как говорится, все пополам… В школе мы дружили с Мишей Горлиным, а мой отец, твой дедушка, тогда работал технором, по-нынешнему, главным инженером, на швейной фабрике. После войны все было трудно. Бабушка твоя, когда трюмо на базаре купила, радости

не было предела. Так и с одеждой. Мне сшили на фабрике по госцене из недорогой ткани в рубчик пальто с поясом, первое нормальное пальто. А это было в десятом классе, когда мы уже на девочек посматривали. И когда отец мне сказал про пальто, я спросил: «Пап, а Мишке?» И отец, ни минуты не колеблясь, ответил: «Конечно, сын». А отцу не так-то просто было заказать не одно, а два пальто… Тогда у людей совесть была на первом месте, и честь берегли.

– Ты бы, пап, еще прабабушку вспомнил. Давайте договоримся так: со своими друзьями я сама разберусь. Можете чем-то помочь, помогите, а нет – лучше молчите. А то, как говорят умные люди: «Легче всего давать советы, потому что они ничего не стоят».

– Да, совсем забыла. Насчет помочь. Вот сто тысяч рублей. – Ольга Алексеевна вынула из кармана халата приготовленные деньги. – Это немного, конечно, но все же какие-то деньги… Дома-то какая еда есть?

– Ой, спасибо, мам! – обрадовалась Мила. – Сейчас что-нибудь куплю. Да, мам, я Катьку у вас оставлю. Завтра, может быть, в детский сад отведете? А я после работы забегу.

Мила встала из-за стола.

– Не хочу с бабушкой, хочу с тобой, – заявила Катя.

– Я тебе покапризничаю. Как миленькая останешься и слушаться будешь. Узнаю, что не слушаешься, в угол на целый день поставлю, – пригрозила Мила.

Катя захныкала, и Ольга Алексеевна стала утешать:

– Это чего ж ты с бабушкой не хочешь оставаться, а? Это что ты бука сегодня такая? А мы рисовать сейчас будем, я новые краски нашла. А еще шить будем. Будем шить?

Катя подумала, взвешивая, что лучше, зареветь или остаться так. Реветь не очень хотелось, а мама все равно с собой не возьмет. И Катя согласилась рисовать и шить.

– Мила, ты бы картошки взяла немного. Нам с отцом хватит, – предложила Ольга Алексеевна.

– Спасибо, мам, потом – отмахнулась Мила.

– А ты куда сегодня?

– В ресторан, мам.

Ольга Алексеевна подняла брови, Виталий Юрьевич вопросительно посмотрел на дочь.

– Да успокойтесь, родители. Из Бельгии приехала Линка с мужем в отпуск. Приглашают. По сколько-то сбрасываются все наши. За меня, как я самая бедная, платит Элька Михеева.

– Мила, девочка, ты, главное, не падай духом. Время такое сейчас. Подумай, что есть многие, которым хуже, чем нам. И ты посмотришь, все утрясется.

– Твоими устами, пап, да мед пить. Все я понимаю… А кто это у вас в подъезде стекло выбил? – спросила вдруг Мила. – Ремонт не собираются делать?

– Да ты что, какой ремонт? – искренне удивилась Ольга Алексеевна. – В ЖЭУ сроду денег нет. Платим, платим, – как в бездонную яму… а в подъезде денег не соберешь. Хо-

тели кодовый замок поставить, нужно было по пятьдесят тысяч собрать. Из тридцати квартир только десять сдали. Пришлось деньги вернуть. Так и живем, как в проходном дворе. Здесь же алкаши каждый день водку распивают.

– А толку-то от твоего кодового замка! – возразил Виталий Юрьевич. – В третьем подъезде стоит кодовый, а там все равно бомжи ночуют.

– Ладно, я побежала, – заторопилась Мила.

Она поцеловала мать с отцом и выскочила за двери. Ее каблучки простучали по ступенькам, расхлябано хлопнула дверь в подъезде, и все стихло.

– Мерзко на душе, – поморщился Виталий Юрьевич.

Ольга Алексеевна промолчала.

Они сидели в зале на диване. Уже смеркалось, но они не включали свет и не включали телевизор. Просто сидели рядышком и больше молчали, чем говорили. Катя мышкой затихла за дедовым письменным столом в спальне и увлеченно мазала акварельными красками по бумаге, благо бумаги Виталий Юрьевич не пожалел и дал много.

Ольга Алексеевна думала о своем. Ей вспомнилась свадьба дочери с Андреем. Андрей ей тогда понравился: высокий, ладный, с военной выправкой. Мила училась на третьем курсе Университета, а он заканчивал высшее военное училище, но, соблазнившись быстрыми деньгами, которые легко зарабатывали его друзья на гражданке, открывая фирмы и ввязываясь в торговые предприятия, ушел с послед-

него курса, организовал с помощью отца столярную мастерскую и стал грести деньги лопатой. В то время это было просто. Народ сметал с прилавков все, потому что товаров было мало, рынок только насыщался, разбогатевшие предприниматели напропалую жировали, парились с девочками в саунах, играли в казино, проигрывались и пропивались в пух и прах, а кто устоял, строил поражающие воображение русского обывателя коттеджи с бассейнами и банями, и им требовались столярные работы и мебель на заказ. Мила, наивная дурочка еще, с головой окунулась в новую для себя, независимую от родителей и свободную от родительской опеки жизнь. Чуть не каждый день цветы, дорогие подарки и компании. Все это не нравилось Ольге Алексеевне и Виталию Юрьевичу, и они говорили об этом дочери, но она и слушать ничего не хотела, огрызалась и обижала, заявляя, что нравоучений и нотаций ей с избытком хватило, когда она жила с ними. Ольга Алексеевна замолкала и, поджав губы, шла на кухню, а Виталий Юрьевич исчезал в спальне, где садился за письменный стол. Мила уходила, хлопнув дверью.

Однажды Андрей сказал Миле, чтобы она бросила свой Университет, от которого в жизни не будет никакого проку. «Сейчас зарабатывать деньги можно и без образования, – сказал тогда Андрей. – А уж если учиться, то нужно идти в коммерческий институт, тем более, там сейчас как раз есть знакомые, которые могут помочь»…

Разговор с родителями был резким, со слезами, с криком

и истерикой.

– Ты бросишь Университет только через мой труп! – заявила Ольга Алексеевна. – Получи диплом, и тогда хоть в коммерческий, хоть к черту на рога!

– Ладно, я вам принесу этот диплом, чтоб вы повесили его себе на стенку, – бросила Мила и хлопнула дверью так, что электрический звонок жалобно тренькнул, будто в испуге.

Ольга Алексеевна догадывалась, что в семье дочери происходит что-то неладное. Но из Милы лишнего слова не вытянешь, хотя по ней было видно, что она что-то скрывает. Но однажды дочь пришла к ним в слезах и рассказала, что Андрей избил ее. Оказалось, что бил он ее и раньше. Катя по-детски непосредственно и даже с каким-то удовольствием сказала:

– А папа маму об дверь головой бил, а я испугалась и описалась.

Ольга Алексеевна дар речи потеряла, а Виталий Юрьевич только головой покачал.

Когда Андрей приехал забирать вещи, Мила с дочерью ушла из дома. Ольга Алексеевна и Виталий Юрьевич молча сидели в комнате, пока Андрей собирал вещи. Только Ольга Алексеевна спросила с укором:

– Как же ты так, Андрей?

– Я ее любил! И сейчас люблю. А она мне жизнь испортила, – с надрывом выдавил Андрей.

Был он выпивши, и Ольга Алексеевна сочла разумным

разговор не продолжать, только пожала плечами, и ее брови, по обыкновению, взлетели вверх. «Чем это она успела ему жизнь испортить?» – подумала она.

Андрей поступил по-мужски. Это в нем всегда присутствовало. Все, что он купил в квартиру, а было там все: и дорогой холодильник, и импортный телевизор-двойка, и печь СВЧ, и мебель – он ничего не взял. Квартиру же ей оставила бабушка, мама Виталия Юрьевича, которая очень любила внучку и, слава Богу, не дожила до этой неприглядной истории…

Виталий Юрьевич пытался сосредоточиться на рукописи своего романа, но мысли путались. То вспоминался завод, то вставало перед глазами лицо дочери, и сердце Виталия Юрьевича сжималось от жалости и бессилия помочь, оградить ее от тягостей, которые вдруг свалились на ее хрупкие плечи.

Глава 3

Стояло бабье лето. Днем солнце еще грело, и было тепло, но по вечерам уже чувствовалось холодное дыхание поздней осени. Землю устилали желтые и багровые листья. Утром дворники сметали листья в кучи на газоны, но они за день снова засыпали асфальтовые дорожки и приятно шуршали под ногами. Мила неторопливо шла по парку, а с деревьев нет-нет, да и сорвется то один, то другой листочек и, кружась, мягко упадет под ноги. Миле нравились кленовые листья, и раньше она любила собирать их в букет и приносить домой. Дома она ставила их в стакан с водой или молочную бутылку, и они долго радовали глаз.

Сразу за парком начинался скверик. По одну его сторону размещались в ряд стенды на массивных бетонных подставках. Несколько лет назад за стеклом висели портреты передовиков производства, теперь просто виды города. Стекла расколотили воинствующие подростки, и ветер рвал и трепал остатки фотобумаги с городскими достопримечательностями. По другую сторону стояли скамейки, на спинках которых сидели молодые люди, поставив ноги на сидения. Почему-то им нравилось сидеть именно так. Может быть, это был своеобразный протест, может быть, так сидеть действительно удобно, только старикам и старушкам, чтобы сесть на скамейку, приходилось теперь стелить газетку или целло-

фановый пакетик. Они быстро привыкли к этому и не роптали.

Мила вышла на площадь Ленина, на которой находилось здание областной администрации и театр имени Тургенева. Ленин стоял на высоком пьедестале спиной к администрации и, держась одной рукой за лацкан пиджака, будто собирался станцевать еврейский танец «Семь сорок», другой указывал вдаль, наверно, призывая идти туда, потому что именно там и было наше светлое будущее.

Площадь регулярно чистили, мыли и поливали, но по Ленинской улице, примыкающей к площади, ветер носил бумажки, пыль собиралась у бордюров и растекалась грязью после дождя. Окурки и плевки попадались под ноги, и чтобы не наступить на них, приходилось все время смотреть не перед собой, а под ноги. Мила давно заметила, что везде так устроено, что человек должен сгибаться в три погибели, как бы кланяться: и в железнодорожных кассах, и на почте, и в сберкассах, и в часовых мастерских окошечки так расположены, что ты всегда находишься в позе просителя. Потому, наверно, тебе и хамят кассирши и прочие чиновники, что ты для них вечный проситель. Мила улыбнулась этому своему открытию. А еще она подумала, что когда человек обживается на новом месте, он начинает с того, что наводит чистоту и порядок. Жаль, что эта мысль не пришла в голову нашему мэру. Грязная лестничная площадка, грязный двор, грязная улица – отсюда и пофигизм. У хорошего столяра или

слесаря рабочее место всегда в порядке, поэтому у него и дело спорится; у нерадивого – кавардак, потому он брак и гонит.

В гастрономе на Ленинской Мила прошлась по витринам и ужаснулась. Цены опять подскочили.

Она купила полбатона белого хлеба, килограмм вермишели, пакет молока, вместо масла пачку маргарина и десяток яиц. Чуть подумав, она взяла полкило сосисок и триста граммов дешевых шоколадных конфет «Ласточка». Ее капитал уменьшился почти на треть. «А с чем Катьке макароны есть?» – вздохнула Мила и отдала еще три тысячи за двести граммов с небольшим сливочного масла. Потом она вспомнила, что дома нет сахара и подсолнечного масла. Полкило сахара и бутылка подсолнечного масла облегчили ее кошелек еще на пять тысяч. И от ста тысяч, которые дали родители, осталось чуть больше половины.

Мила угрюмо плелась по Ленинской и предавалась своим невеселым мыслям. Недавно Алексей Николаевич, папин друг, профессор, сказал, когда они по обыкновению спорили, что «Россия бьется в эпилептическом припадке». А вчера в газете, Мила прочитала, академик Богомолов приводит сумму прожиточного минимума, которая равняется четыремстам тысячам рублей, и комментирует: «но на нее нельзя прожить». В это время Москва широко праздновала 850-летие. «Пир во время чумы» – выразился Алексей Николаевич. Мила грустно усмехнулась. Она поискала глазами, ку-

да бросить бумажку от съеденной конфеты, но урны не нашла, и сунула бумажку в карман плаща. Она никак не могла приучить себя бросать сор куда придется, как делают многие, и вечно таскала фантики и использованные автобусные билеты в сумке или в карманах, забывая потом выбросить дома.

Дома Мила разложила продукты: что в холодильник, что в стол, включила газовую колонку и стала набирать горячую воду в ванну. Вода набралась быстро. Мила завела будильник, разделась и залезла в ванну. Горячая вода приятно обожгла тело и сразу обозначилась усталость. Мила блаженно вытянулась в ванне, и нега разлилась по всему телу. «Все не так плохо, – подумала Мила. – У меня есть своя квартира, где я сама себе хозяйка, у меня есть дочь, которую я люблю, и есть родители, которые меня любят».

Квартира раньше принадлежала бабушке и папиному отчиму Валериану Григорьевичу. Дом построили вскоре после войны для обкомовских чиновников, и деду, как главному агроному области по садоводству, дали однокомнатную квартиру. Дед умер, а бабушка, когда Мила выскочила замуж, перешла к ее родителям в трехкомнатную квартиру, оставив свою внучке. Такие квартиры называют сталинками: большая комната, большая кухня, высокие, выше трех метров, потолки, а ванная свободная, так что стиральная машинка не видна.

С Андреем у них не сложилось, но он после развода ниче-

го из квартиры не взял, хотя, благодаря ему, квартира полностью «упакована». Один кухонный гарнитур с подсветкой чего стоит. Его делал Андрей сам под размер кухни. А модель взял из зарубежного журнала «Home & Gardens». Руки у Андрея росли откуда надо, и голова у трезвого варила. Но все вдруг кончилось, банально и прозаически. Как на дрожжах стали подниматься фирмы-конкуренты, более мощные, с более солидным капиталом и размахом. Число клиентов быстро сокращалось, и уже не было такого заработка, как в первые два-три года. Андрей ходил злой, стал чаще прикладываться к рюмке, к работе охладел, бросив дела на своего заместителя. И даже когда появлялся хороший заказ, Андрей позволял себе выпить, а к вечеру он напивался до положения риз. И выяснилось вдруг, что характер у него деспотичный и жесткий. Мила скоро узнала оборотную сторону семейной жизни. Наступил день, когда муж в первый раз ударил ее. Она рыдала полночи, пока он спал в одежде и туфлях на диване. Родителям она ничего не сказала. Утром Андрей ушел, когда Мила спала, и она слышала только, как захлопнулась дверь. Вечером Андрей пришел почти трезвый, просил прощения, стоял на коленях, и она его простила. Ради ребенка, которому было три года. А на следующий день он опять пришел пьяный. Мила опрометчиво выразила недовольство, и Андрей взял ее за отвороты халата и стал бить головой о дверь. Ребенок все видел, орал как резаный, ничего не понимая и не веря глазам своим: папа бьет маму. Под

Катей расплылась лужица, и она беспомощно стояла на этой лужице, а в глазах застыл ужас…

Это был конец. Милу потрясло случившееся. С ней никто и никогда так не обращался. Но даже и не в ней, в конце концов, дело, но ребенок. Как можно было бить мать при ребенке!.. А еще Милу поразил его взгляд. Она почувствовала настоящий страх, когда встретилась с ним глазами. В его взгляде была такая пронзительная ярость, что она поверила: он может убить.

Многие не понимали ее. Бывшая свекровь винила в разводе ее. Но они всего не знали. Родителям и то Мила не все говорила, а тем более не все подруги знали, что у Андрея был кто-то на стороне, и он заваливался, бывало, домой далеко за полночь. Конечно, со стороны Андрей парень видный, обходительный, даже галантный: и женщину вперед пропустит и место уступит. И не жадный. Но Мила знала, что внутри него сидит еще и зверь, который служит чем-то вроде противовеса хорошему в нем, и выпрыгивает, когда добро начинает перевешивать.

Она терпела долго. Терпела пьянки, терпела грубость. Ее только удивляло, как мог так сильно измениться человек. Папа оказался пророком, назвав Андрея двуликим Янусом с лицами, обращенными в противоположенные стороны, но не к прошедшему и будущему, как древне-латинское божество, а к Дьяволу и Богу. Жаловаться Миле было стыдно, и она многого подругам не рассказывала, боясь, что ее осу-

дят, потому что она и сама осуждала себя. Андрей работает допоздна, хорошие деньги зарабатывает, а она дома сидит. Но, с другой стороны, обед всегда готов вовремя, а готовит она вкусно, спасибо бабушке, научила; дома чисто, и ребенок ухожен, да еще и институт.

Так, может быть, она и жила дальше, но когда он стал ее бить, да еще и ребенка напугал, в ней что-то надломилось, и она будто прозрела, сердце ее окаменело, и она со спокойным равнодушием поняла, что не любит этого человека, что он ей безразличен…

Пронзительным трамвайным звонком затрезвонил будильник. Мила от неожиданности вздрогнула, чертыхнулась и, ругнув себя за то, что лежит как пень, забыв про все на свете, быстро стала намыливать голову дешевым яичным шампунем. После ванны она долго, докрасна, растирала тело махровым полотенцем и не преминула посмотреть на себя в зеркало. Из зеркала на нее смотрела стройная с плоским животом, маленькой грудью и длинными ногами женщина, больше напоминающая подростка. Маленькая головка на длинной шее и короткая стрижка, которая ей очень шла, делали это сходство еще более очевидным. «Поджарая как скаковая лошадь», – с удовольствием отметила Мила, провела ладонями по тонким бедрам и вслух сказала: «Господи, откуда жиру-то быть при таких харчах». Повернувшись к зеркалу спиной, она еще полюбовалась своей упругой, как мячик, оттопыренной попкой, потом накинула простенький

ситцевый халатик и стала сушить феном волосы, на что у нее ушло не более пяти минут.

Белье было ее слабостью. У нее еще оставалось хорошее белье, купленное при Андрее. Но и сейчас она предпочитала лучше лишний день просидеть без хлеба, но на белье разориться. Она вообще не понимала, когда кто-нибудь из девчонок говорил, что белье надевается для мужчин. «Вот уж ни за что бы не стала специально для кого-то надевать белье. Разве самой не приятно ощущать на теле мягкий ласкающий шелк трусиков и комбинаций!» На бюстгальтеры Мила вообще не тратилась, слава Богу, грудь держала форму. Над верхней одеждой она голову тоже не ломала. Надела черную мини-юбку, туфли на шпильках – остатки былой роскоши – и тонкую бордовую шерстяную кофточку. Колготки чуть порвались на пальцах и поползли, но она мазнула нитку клеем «Момент», а под туфлями дырки не было видно. Прическу сбрызнула лаком, который берегла для особых случаев, и каждый день не расходовала. Покрутилась последний раз перед зеркалом и осталась собой довольна. Сняла с вешалки плащ, перекинула через плечо небольшую лакированную сумочку черной кожи и вышла на площадку. Заперев дверь на два оборота, она легко сбежала вниз…

У входа в ресторан стояла Элька Михеева. Она заметила Милу и нетерпеливо замахала рукой:

– Скорей, Мил, Все уж собрались. Одну тебя ждем.

Вся компания сидела за сдвинутыми столами. Все свои:

Элька, Лина и Татьяна с мужьями, и Даша. Мила села рядом с Линой, но запротестовала Элька:

– Нечего всем бабам вместе сидеть, садись-ка рядом с моим Олегом.

Мила пересела и шепотом спросила у Татьяны:

– А почему Ленки нет?

– А она дежурит в больнице, заменить было некем, – сказала Даша.

Стол от яств не ломился, но и от того, что стояло на столе, у Милы свело скулы, и она почувствовала, насколько голодна. Мясные салаты с целиковыми кусочками говядины сверху и майонезом, который предстояло самим размешать в квадратных салатницах; селедка с луком, нарезанным колечками с целой картошкой, разрезанной пополам, и долькой соленого огурчика. Черный хлеб аппетитно лежал на льняной салфетке в тарелке, а горчица прямо просилась на хлеб. В графине стоял желтый, наверно, апельсиновый, сок, запотевшая бутылка водки «Столичная», Мадера и бутылка шампанского.

– Ну, что, давайте! Чего мы ждем? – сказал муж Татьяны Толик и стал открывать шампанское.

Когда шампанское было разлито по бокалам, Толик предложил тост:

– Давайте выпьем за Лину и Вовку! Чтоб почаще приезжали и не забывали нас в своей Бельгии.

– У меня другой тост, – не согласилась Лина. – Я предла-

гаю выпить за всех нас, за нашу дружбу. Мил, сколько мы уже вместе?

– Да с детского сада, – отозвалась Мила.

– Ничего подобного. Я с вами в саду не была, я к вам в первый класс пришла, – напомнила Татьяна.

– А я в вашу компанию с улицы попала, – засмеялась Даша.

– Убей, не помню, – сказала Татьяна. – Мне кажется, ты всегда была с нами.

– Нет, меня Мила привела. А с ней мы познакомились на заводе. Она работала там оператором ЭВМ, а я стаж в стоматологическом кабинете зарабатывала. А потом мы с Ленкой вместе в Воронежском меде учились.

– Мил, а ты что, на заводе работала? – удивилась Татьяна.

– Здрасте! Я ж в МГУ тогда не поступила.

– Да это я знаю. Мы с девчонками в шоке были, что ты со своей медалью умудрилась биологию завалить.

– Да так, по глупости, – отмахнулась Мила.

– Ага, любовь голову задурила, – засмеялась Даша.

– Это к Сенечке, что-ли? – фыркнула Татьяна. – Тоже мне, любовь. Так, школьное увлечение.

– Да что ты понимаешь, Тань? – лениво возразила Мила. – Первая любовь – это так романтично. У меня и сейчас от этой любви тепло на душе.

– Девочки, хватит воспоминаний, – остановила подруг Элька. – Давайте уже выпьем.

– Пьем за дружбу, – согласился Толик.

Все выпили. Дружно застучали вилки по тарелкам. Мила с удовольствием, стараясь не торопиться, но довольно скоро расправилась с салатом и переключилась на селедку с картошкой.

– Ребят, давайте за Новую Россию, – встал Линкин Вовка. – За то, чтобы она скорее встала на ноги, и чтобы мы все гордились ею.

– Не возражаю, – поддержал его Толик. – Жаль только, что пока гордиться нечем.

– У тебя, Вов, ностальгия, и ты начинаешь любить Россию издалека. Только ты не представляешь в полной мере, что в России делается. – Чиновники воруют, бандиты грабят, коррупция цветет буйным цветом, народ голодает… а дальше все по списку, – вставила Мила.

– Это называется первоначальное накопление капитала, – весело сказал Олег.

– Это называется свобода и демократия, – сказал Толик. – Вот ты сейчас говоришь такие вещи, за которые тебя при советской власти упекли бы за решетку… Мы же хотели свободы, вот она – свобода.

– Не надо свободу путать с анархией.… И, вообще, почему мы считаем, что демократия – это хорошо? Гитлер тоже пришел к власти демократическим путем.

– А дело не в демократии, а во власти, которую мы теперь выбираем демократически. А как ведет себя эта власть – во-

прос другой.

– Чего ты разошлась, Даш? – не выдержала Элька. – Ну их всех к черту. Давайте гулять.

– Да надоел бардак. Мне двадцать пять лет, а я на родительской шее сижу.

– Иди в предприниматели. Теперь многие бизнесом занимаются, – посоветовала Татьяна. Ее Толик возил на своей машина товар из Москвы, в основном памперсы. Своей точки у него не было, но его товар охотно брали оптом несколько магазинов, и это пока неплохо обеспечивало их с Татьяной.

– Зачем мне в предприниматели? – Обиделась Даша. – Я врач. Что, стране врачи не нужны? Во всем мире, между прочим, врачи – это средний класс со всеми вытекающими последствиями.

– Толь, а чего ты магазин не откроешь? – спросил Вовка. – Уж если занимаешься этим, развивайся.

– На какие шиши? Это уже совсем другие деньги.

– Возьми ссуду в банке.

– Ага! Ты знаешь, какие у нас проценты по ссуде? Это тебе не Бельгия. Обдерут как липку. Да еще под залог. Возьмешь и не заметишь, как квартиру потеряешь.

– За товаром в Москву ездишь? – поинтересовался Вовка.

– В Москву. Куда ж еще?

– Не люблю Москву, – сказала Мила. – Сплошная суета и вечная спешка. Все куда-то бегут, всем некогда. Народу тьма, а спросить некого. В лучшем случае не ответят, а в худ-

шем – облают… Господи, а за свои московские квартиры держатся так, будто вся провинция спит и видит, как у них эти квартиры оттяпать… А еще, помню, Маркес в моду вошел, так вся Москва с томиками в метро и в троллейбусах ездила. И не потому, что Маркес всем поголовно нравился, а потому что модно…

– Так ты тоже читала Маркеса вместе со всеми, – подколола Милу Элька.

– Ничего подобного, – засмеялась Мила. – Я подождала, пока ажиотаж спадет, и без давления извне прочитала, с большим удовольствием, между прочим… Да все у них напоказ. В провинции по-другому… И, вообще, мы больше Россия, чем Москва, хотя Москва и смотрит на нас свысока… Говорю честно, я бы в Москве жить не хотела.

– Не скажи, подруга, – отозвалась Татьяна. – В Москве возможности другие. Не сравнить. Столица – есть столица. Я бы пожила. Большой театр, Третьяковка, театр на Таганке, Покровский Собор, ГУМ, ЦУМ. Говорят, Москва до неузнаваемости меняется.

– Да только Москва и меняется. Наши зарплаты не меняются. А ты знаешь, сколько теперь билет в Большой стоит? Как раз Дашкиной зарплаты хватит, а моей так и мало будет.

В словах Милы звучала ирония. Татьяна промолчала

– Москва, конечно, не вся Россия, – поддержал Милу Толик. – Но мир смотрит на Россию через Москву… А настоящая Россия – в провинции.

– Мальчики, девочки, ну, миленькие, хватит вашей политики, давайте веселиться, – взмолилась Элька.

– Русский человек без политики жить не может, – изрек Олег. – Кругом одна политика.

– И водка, – добавил Вовка. Он заметно опьянел, хотя выпил всего три рюмки водки, к которой не очень был привычен.

– Всё, всё. Пьем за Лину, за ее дите, которое уже говорит по-французски, и за русский футбол, который Вовка развивает и пропагандирует в Бельгии.

На короткое время воцарилась тишина, прерываемая фаянсовым звоном тарелок.

– Лин, расскажи, как там в Бельгии, попросила Даша.

– Нормально, – пожала плечами Лина. – Чисто… А у вас тут бабки на каждом шагу семечками торгуют. Все остановки лузгой заплеваны, и никто их не гоняет… И урн нет…

– Урны убрали отовсюду, когда после взрывов в Московском метро появилась террористическая угроза. А семечки продают, потому что кормиться надо. На пенсию в пятнадцать долларов не проживешь. У нас врачи и учителя месяцами зарплату не получают, а на предприятиях с рабочими расплачиваются продукцией. Так что кроме бабки с семечками, на трассах стоит народ и торгует игрушками, часами и глушителями для автомашин.

– Да-а! В России действительно много политики, – сказала Лина. – Мы как-то уже успели отвыкнуть от этого. В Европе

все проще.

– Европа зажралась, – зло сказал Толик. – Народ стал инфантильным. Ему не до чего дела нет. Мало того, они даже мозги перестали напрягать. От сытой жизни отупели. Россия – слишком значительна, чтобы закрывать глаза на то, что в ней происходит, а Европа даже не почесалась, когда Хрущев чуть не развязал мировую войну из-за Кубы. Посмотрел бы я тогда на Европу… Россия укрыла Европу от татаро-монгольского нашествия и от гитлеровской оккупации спасла. А на Россию все плюют с высокой европейской колокольни и смотрят как на помойку и сырьевую базу.

– А кто виноват? – сказал Олег. – Сами и виноваты… Мы же сами всем доказываем свою несостоятельность. «Тупые», как русские говорят, иностранцы не могут понять, как в такой богатой стране можно так плохо жить…

– Мальчики, еще один разговор про политику, я встану и уйду, – пообещала Элька.

– Правда, ребят! Давайте про что-нибудь другое. Ну, надоело же! – возмутилась Татьяна.

– Вон, нам горшочки несут, – обрадовалась Лина.

Официант, молодой человек в черной жилетке и бабочке, поставил поднос с горшочками, от которых шел пар и умопомрачительный запах тушеного мяса, на свою тумбочку и стал подавать на стол коричневые глиняные сосуды, держа их за ручки-ушки.

– Олег, – попросила мужа Элька. – Закажи еще бутылочку

водки.

– Да хватит, вон, еще вино есть, – возразила, было, Татьяна.

– Тань, с каких пор ты в союз трезвенников записалась? Каждый день, что ль, собираемся вместе? Давай, давай, Олег!

Выпили под горячее. И уже заговорили громче, не слушая друг друга. Женщины раскраснелись, у мужчин заблестели глаза. Чаще раздавался смех. Олег подсел к Володе, и мужчины, оказавшись вместе, заговорили о своих машинах, пошли анекдоты.

– Мил, как у тебя с работой? – спросила Татьяна. – Ничего не нашла?

– Где ж я ее найду? На дороге не валяется. Гербалайт продавать? Так это не работа.

– Знаешь, Мил, – жестко сказала Элька. – Ради ребенка, что хочешь продавать пойдешь. Иди работать кондуктором на троллейбус, пятьсот тысяч платят.

– Что ж ты не пойдешь? – огрызнулась Мила.

– Мне не надо. У меня мужик зарабатывает. А ты своего турнула. Вот теперь локти и кусай.

– Локти я кусать не буду, но и с алкашом жить не стану. И в кондукторы не пойду. Проживем как-нибудь.

– Жестокая ты, Элька. Уж если помочь не хочешь, так хоть не растравливай душу человеку. Я тоже на бобах сижу, так что ж и мне бросить больницу и в кондукторы за лишние сто

тысяч идти? – возмутилась Даша.

– У тебя детей нет.

– У меня и мужика нет, – засмеялась Даша. – Мил! Вот дура-то склерозная. Забыла. Все думала, что я тебе должна сказать? В Зернобобовый институт требуется МНС. Ты же биолог. Мне соседка, Наташка, сказала, – она аспирант в лаборатории биохимического анализа.

– Даш, – заволновалась Мила. – Что ж ты молчала?

– Говорю ж, склероз.

– Так уж, небось, взяли кого-нибудь? Когда ты разговаривала?

– Да не бойсь, подруга. Я Наташке про тебя рассказала, и попросила, чтобы место пока забили. Если тебя возьмут, с ней вместе работать будешь. Хорошая деваха. Тоже не замужем.

– А какая там зарплата, не знаешь?

– Честно, Мил, не знаю. У Наташки тысяч четыреста, но она зам. зав. лаборатории и работает уже года три. Ну, уж во всяком случае, больше, чем в твоем кружке. А потом, ты же девка умная, тебе главное зацепиться. И защититься там можно. К наукам ты способная, недаром школу с медалью закончила… Да и НИИ – не школа: сопли чужим дебилам вытирать.

– Я завтра съезжу. Утром отпрошусь и поеду. Спасибо тебе, Даш.

– Да ладно тебе. Благодарить потом будешь… Да, Мил, я

у тебя сегодня переночую? Что-то мне сегодня неохота к себе тащиться.

– Что ты спрашиваешь? Конечно. Я и так все одна, да с Катькой. Поболтаем вволю. Чайку попьем, у меня варенье сливовое есть.

– Какой тебе чай, – засмеялась Даша. – Я и напилась, и наелась на неделю. Посмотри на мой живот. Как на седьмом месяце. – Она погладила обеими ладонями свой живот.

Мила с Элькой засмеялись.

Вместо магнитофона заиграл оркестр. Татьяна увела своего мужа танцевать. Тот нехотя покинул мужскую компанию, и они пошли на пятачок перед оркестром.

– Мил, вон видишь парня? На тебя глаза пялит, – Элька толкнула коленом Милу. Мила скосила глаза на столик справа. Там сидели два молодых человека и миловидная девушка. Один, худощавый, действительно посматривал в их сторону.

– Вижу, смотрит. А почему на меня? Может, на тебя или на Дашку.

– Ага, щас. Это Вадим. Он давно на тебя глаз положил. И ко мне, и к Таньке пристает, просит с тобой познакомить.

Мила еще раз осторожно покосилась в сторону Вадима. Элька сделала незаметный знак, и молодой человек поспешил подойти к ним, будто этого и ждал. Был он высок, худ, не широк в плечах, но приятен лицом, и как Мила заметила, застенчив, потому что, когда со всеми поздоровался и Элька

представила его, густо покраснел.

– Можно вас пригласить на танец? – смущенно проговорил он, обращаясь к Миле.

По его растерянному лицу Мила поняла: он страшно боится, что ему откажут, но колебалась.

– Иди, иди! – прошипела Элька

– Иди, – подтолкнула ее Татьяна.

– Съест он тебя, что ли? – усмехнулась Даша.

Танцевали молча. Танец быстро закончился, и Вадим не успел придумать, что сказать, с чего начать разговор. Он проводил Милу к ее столику и попросил:

– Можно я вас еще приглашу?

Мила пожала плечами, и он истолковал это как согласие. Следующий танец он уже говорил ничего не значащие слова. Но Мила как-то в смысл их не вникала, а когда он попросил проводить ее домой, сказала, что живет рядом, тем более идет вместе с подругой.

– Я знаю, где вы живете, – молвил Вадим. – Тогда, разрешите я вас с подругой провожу.

– Провожайте, если вам так хочется! – разрешила Мила.

Из ресторана ушли без малого в двенадцать. Никак не могли расстаться, стояли у входа, договаривая какие-то последние, не досказанные слова, наконец, разошлись. До Ленинской шли вместе с Элькой и ее Олегом, потом разделились и теперь уже шли втроем. Мила под руку с Дашей и Вадим сбоку от Милы.

Фонари освещали площадь и театр, но уже чуть подальше, у казино, был полумрак, и только вход освещался разноцветными гирляндами, да одинокая лампочка в стороне высвечивала круг у столба, на котором висела.

Вот здесь из полумрака появились вдруг трое не очень трезвых парней. «Будут грабить, – мелькнула в голове у Милы». У девушек от страха подкосились ноги. Вадим закрыл собой Милу с Дашей и стоял, ожидая, что предпримут парни.

– Что вам нужно? – спросил Вадим.

– Ща узнаешь, сука! – зло, сквозь зубы выдавил невысокий, коренастый ублюдок. Вадим успел перехватить и вывернуть его руку, в которой был нож. Нож звякнул об асфальт. Но возле Вадима уже стояли двое других. Мила с Дашей заорали не своими голосами. Но раньше, чем на Вадима навалились хулиганы, откуда-то взялся крепкий парень и в момент разбросал нападавших, так что один так и не встал, и когда его приятели, прихрамывая, разбегались, скрываясь в темноте, ворочался и постанывал, силясь подняться. То ли Вадим, заламывая, вывихнул ему руку, то ли их спаситель перестарался, нанеся удар ногой.

– Спасибо, Жека! – сказал Вадим. – Вовремя поспел.

– Ладно, чего там! – отмахнулся Жека.

И он исчез также внезапно, как и появился. Будто его и не было минуту назад.

К девушкам вернулся дар речи, и они сразу заговорили, словно плотину прорвало. И уже Вадим стал как-то ближе,

и вроде они все знакомы уже давно.

– Это что, ваш телохранитель? – пошутила Мила.

– Почему? Друг. Мы всегда вместе.

– Холостой? – озорно блеснула глазами Даша.

– У него девушка есть.

– А, это они с вами за столиком сидели? – догадалась Мила.

– Они, – подтвердил Вадим.

– А что ж он ее бросил?

– Она в машине сидит.

Возле дверей Вадим спросил Милу:

– Когда мы увидимся?

– Не знаю, – ответила Мила.

Она действительно не знала, хочет ли она его увидеть еще. Он ей не очень понравился. Во-первых, мальчик совсем, а ей нравились более солидные мужчины; Андрей и то был старше ее на пять лет. Во-вторых, нескладный какой-то. Конечно, когда войдет в возраст, возмужает, может быть, и будет похож на мужчину. Хотя, не трус: вон как бандиту руку заломил. Если бы не этот случай, Мила, даже не колеблясь, отшила бы этого Вадима, но теперь ей неловко как-то было показаться неблагодарной, тем более грубой.

– Не знаю, звоните! – сказала Мила. – Телефон уже наверно знаете? – она самоуверенно усмехнулась.

– Конечно! – подтвердил Вадим. – Я вам завтра позвоню.

Он подождал, пока они поднимутся вверх по лестнице,

и пошел назад. За домом возле сквера его ждал Женя с машиной.

Глава 4

Мила включила телевизор и пошла на кухню ставить чайник. Даша забралась с ногами на тахту и расслабленно сидела, поджав ноги под себя, переключая пультом каналы и натыкаясь на рекламу, которая навязчиво предлагала шампунь от перхоти, прокладки «Олвейз», сковородки «Тефаль» и уверяли, что «Тефаль» думает о нас». Рекламировали пояса для похудения, призывали отдохнуть в Турции, на Кипре, в Израиле, в Египте, в Греции и Андорре.

– Мил, – позвала Даша. – У тебя газета с программой есть? А то мне все реклама попадается. Сплошная виагра, да прокладки.

– Да задолбали, – согласилась Мила, подавая газету. – Детей и то этой рекламой заморочили. Папа недавно рассказал: он спросил своего ученика-шестиклассника: «What is the Russian for „always“[3]?» И тот придурок, не задумываясь, выдал: «прокладки».

Даша засмеялась:

– Детям поменьше надо смотреть телевизор, – сквозь смех сказала Даша.

Она раскрыла газету и стала изучать программу.

– Мил, «Эммануэль» смотреть будем?

---

[3] Как перевести на русский слово «always».? «Always» – всегда (англ.)

– Обалдела? Час времени. Чаю попьем и спать.

Даша полистала газету, наткнулась на объявления: «Эротический массаж. Экскорт-услуги. Круглосуточно. Лена».

– Мил, представляешь, совершенно в открытую предлагает себя и телефон дает. Сколько ж она берет за сеанс?

– Позвони, – усмехнулась Мила. – Жаба душит?

– А что? Наверно, за сеанс больше, чем врач, по-крайней мере, за неделю получает.

– Ты не сможешь.

– Почему это?

– Мораль у тебя другая.

– Не смогу, – согласилась Даша. – Ой, а это уж вообще. Слушай, Мил: «Симпатичный парень 26/174 познакомится с мужчиной любого возраста для встреч на любой территории. Чистоплотность и тайну встреч гарантирую», а вот еще: «Молодой человек 22 лет познакомится с парнем для дружбы и более». А я думаю, куда женихи подевались? Оказывается, если не алкаш и не наркоман, то педик. Надо ж, теперь мужики с мужиками в открытую живут.

– Ну, уж прямо! Будто нормальных мало. Вокруг тебя столько мужиков увивается, а ты все перебираешь. Смотри, Дашка, одна останешься.

– Мил, ты знаешь, мне всякий не нужен.

– Все ждешь Фархата?

– Уж лучше одной жить, чем выходить за кого попало, – Даша оставила вопрос Милы без ответа. – Ты вот вышла.

И что? Только головную боль заработала. Три года псу под хвост.

– У меня ребенок есть. А это стоит любой головной боли.

– Не знаю. Ребенок без отца – это тоже, знаешь, не дело.

– Ничего, – Мила упрямо сдвинула брови. – Выращу.

– А чего ты вообще замуж ни свет ни заря выскочила? Залетела, что ли?

– Ничего я не залетела. Будто ты не знаешь?.. Это Машка залетела и замуж аж в десятом классе вышла, а я так… глядя на других. Уж на третьем курсе была.

– Боялась не успеть? – ехидно заметила Даша.

– Скорее из-за родителей. Надоели их занудства: «это нельзя», «как ты можешь?», «не красься», «не мажься», «не надевай»…Конечно, дурой была.

– Смотри, Мил: «Гадалка-ворожея. Духовное целительство. Снятие порчи, колдовства, венца безбрачия. Успех в семейной и личной жизни», или «По фото сниму порчу, сглаз. Помогу в семейных проблемах». Как раз для нас, Мил. И телефоны есть. Вон сколько их здесь. И колдуны и белая магия, и гадание на картах Таро.

– Дурь это все. Все эти колдуны по объявлениям – мошенники. Деньги из нас, дураков, выкачивают. Раньше хоть одни цыгане этим занимались, а теперь все, кому не лень.

Зазвонил телефон. Мила взяла трубку.

– Алло! А, это ты, Эль, Да, ничего. Сейчас чайку попьем и спать. Как мне Вадик? Да никак. Мальчик еще… Да, ты

знаешь, на нас с Дашкой какая-то шпана напала. Мы думали, все, конец нам. Вадик у одного нож отнял, а какой-то его друг их всех уложил… Ну, это еще ни о чем не говорит. Может быть, на его месте так поступил бы каждый… – Мила засмеялась. – Ну и кто он? Отец генерал? Ничего себе. Генерал чего? Милиции? Обалдеть. А этот Женя, правда что ли телохранитель?.. Ах, это шофер папы… И машина БМВ персональная папина?.. А чего мне сомневаться? Друзья, так друзья… Знаешь, Эль, если мне человек не по душе, то пусть у него папа хоть маршалом будет, мне наплевать… Ну, значит, дура… Ну, почему? Обещал позвонить. Может, и встречусь, все равно у меня никого нет сейчас… Дашка? Вон сидит. Сейчас передам. Даш, возьми трубку.

– Да… Ладно, Эль… Хорошо… Устрою. Я завтра позвоню.

Даша положила трубку:

– Просит брату больничный устроить.

– Опять Генка в разгул пошел. Вот паразит. Девки совсем голову малому заморочили, – отозвалась Мила.

– Да у него сейчас, вроде, постоянная.

– Да видела я ее. Нагла до предела. Да еще и дура непроходимая.

– Зато красивая, – хохотнула Даша.

– А еще блудливая… Да ну ее к черту. Генку, дурачка, жалко.

– Господи, что ж мужики лопухи такие! Столько хороших

девок вокруг. Нет, надо обязательно вляпаться. Видно же, что стерва, и нужен он ей, пока тряпки покупает и по кабакам водит.

– За папины деньги, – вставила Мила.

– Да он, вроде, и сам в деле с Олегом Элькиным.

– Ага, в деле! Олег пашет, а Генка только числится и деньги проедает. Олег и терпит его из-за Элькиного отца, потому что, если бы не Андрей Николаевич, то и дела никакого не было. А там, знаешь, какие деньги крутятся?

– Да уж представляю. В Америке в тридцатых годах вся мафия расцвела на водке, да наркотиках.

– Даш, переключи ты эту Пугачиху. Достала попса. Одни и те же по всем каналам… Сколько живу, столько они с экрана не сходят. Вроде, после девяносто третьего года их потеснили с телевидения, а потом они опять вылезли.

– Ну, это ты, Мил, зря, – засмеялась Даша. – Это, по крайней мере, – попсовая классика. Тебя музыкальная школа испортила. Тебе же Шопена подавай. Но не всем же Шопена слушать.

– Конечно. Для этого нужны определенные усилия, для этого нужно учиться, а учиться всегда трудно. Проще сидеть с бессмысленным выражением лица и слушать бредятину, вроде, «Жениха хотела, вот и залетела». Попса, она попса и есть… Кстати, ты тоже слушаешь не Кобзона, а Микки Джаггера, «Deep Purple» и «Queen»…

На первом канале шло ток-шоу. Какая-то юная деви-

ца из новоиспеченных звезд учила телезрителя жить: «Я, как бы, думаю, что в семье должны быть свободные отношения. Если муж, как бы, ходит налево, или она тоже ходит, то это не значит, что они, как бы, не любят друг друга. А ревность, это, как бы, пережиток прошлого».

– Во как! – обалдело сказала Даша. – Вот соплячка!

– Да в Москве вообще все с ума посходили. В какой-то передаче Ерофеева спросили: «Если вы считаете, что мат вполне допустим в художественной литературе, и вам не стыдно за это, вы сможете прочитать вот этот ваш отрывок вслух при всех?»

– И что? – заинтересовалась Даша.

– Прочитал. На всю страну.

– Идиотизм!

– Идиотизм-то идиотизм. Но я думала, что Ерофеев умнее. Можно было и не озвучивать мат. Ведь чтение – это интимный процесс. И писатель пишет книгу для одного читателя, а не для аудиторного чтения. Так зачем же озвучивать то, что предназначено одному? А Ерофеев сдуру взял и прочитал. Его как лоха поймали на «слабо»… А ты знаешь, Даш, теперь в продаже есть даже словарь «Мата русского языка». Я у папы нечаянно нашла. Там утверждается, что мат – это фольклор, устное народное творчество. Вот ты знаешь, например, что такое «пошел на х…?

– Да уж знаю, посылали, – засмеялась Даша.

– Ты неправильно знаешь, а словарь объясняет: это значит

«отстань от меня и больше не приставай».

– Зачем твоему папе такой словарь? – спросила Даша.

– Так он же по образованию филолог, и сам что-то там пишет. У него полно всякой справочной литературы. У него и «Словарь воровского языка» есть, хотя он как-то сказал, что если такой словарь и нужен, то не для массового пользования, а для уголовного розыска или, на худой конец, для писателя детективных романов.

Даша переключила канал. По НТВ шла передача о трагически погибшей недавно принцессе Диане. «И это мировая скорбь. Трагическая судьба, трагическая смерть. И, кажется, пусть это кощунственно выглядит, закономерное завершение судьбы, потому что продолжение было бы затмением всего, что импонировало обывателю, и забвением, чего так хотела она, и что совершенно не нужно было этому жестокому миру».

– А только что один за другим ушли из жизни Леонов, Папанов, Окуджава, Юрий Никулин. Целое поколение любимых артистов, – сказала Мила.

Они еще немного посидели, тихие и растроганные, разве что только слез не хватало.

– Ладно, Даш, пойдем. Чай остыл. Времени почти два. Завтра не встанем.

После чая они уже в постелях переговаривались о каких-то пустяках и не заметили, как погрузились в глубокий без сновидений сон. Во сне их лица не были безмятежными,

как бывают безмятежны у детей и людей беззаботных. По их лицам, даже во сне пробегала тень тревоги, которая сменялась просто озабоченным выражением, и это делало их лица суровыми и роднило со всем народом, населяющим постсоветское пространство. И именно это выражение, суровое и беззащитное одновременно, выдавало в них тот тип людей, которых мир назвал «Homo sovieticus»…

Даша жила с родителями в живописном пригородном поселке «НИИ зернобобовых культур». В город регулярно ходили автобусы. Это был тип микрорайона, только здесь не строили девятиэтажек, все было подчинено нуждам Института, и народ, который населял поселок, так или иначе, имел отношение к Институту. В самом НИИ работало около трехсот человек, а его опытные поля занимали десятки гектаров.

У них был собственный кирпичный дом с большим участком земли, хозпостройками, гаражом и глубоким погребом, обложенным камнем изнутри. Мама работала лаборантом в Институте, отец водил институтский автобус. Зарплаты им хватало и даже оставалось, но основной доход они получали с земли, недаром говорят: «Хочешь разбогатеть – занимайся торговлей, хочешь прокормиться – работай на земле». И они работали. Весной продавали капустную и помидорную рассаду, которую у них охотно покупали, в теплицах выращивали ранние огурчики, а осенью сдавали в магазин картошку. Свободные деньги хранили в «Сберегательной кас-

се», в той самой, где улыбающийся до ушей молодой красавец с плаката утверждал: «Накопил – машину купил». Вот на новую машину они и копили. Дашкин папа Василий Никифорович, мечтал о «Ниве». Его «Москвич» четвертой модели хоть и был, благодаря стараниям хозяина, вполне на ходу, но, конечно, эта машина ни в какое сравнение с «Нивой» не шла. И еще они с женой, Галиной Михайловной, хотели купить дочери однокомнатную квартиру в городе.

Все рухнуло с перестройкой. Пока молодые реформаторы грызлись за власть со старыми аппаратчиками, пока делили эту власть между собой, а потом решали, что будут строить, но уже все сломав, зубастая гидра инфляция сожрала все сбережения, уменьшив их тысячекратно и сделав народ нищим. И никто не был виноват, потому что виноватых искали по кругу. Получилось как у артиста Евдокимова: «Никто не виноват, а морда бита».

Плюнул Василий Никифорович в сердцах на ставшую бесполезной сберкнижку, обругал матерно и Горбачева и Ельцина, а с ними и всю «кодлу бессовестную», которая в Кремле сидит, и поклялся никогда ни за кого больше не голосовать и ни на какие масляные посулы не покупаться… Зарплата плелась за инфляцией как немощная старуха, иногда останавливаясь, не поспевая за ней. В результате, зарплаты на жизнь хватать не стало. Опять выручала матушка-земля. Но теперь Василий Никифорович стал хранить свои кровные рубли в банке, в своей, стеклянной, решив, что это бу-

дет понадежней. Это он так думал. А «они там» думали иначе, устроив день, который вошел в историю экономики России как «черный вторник». 12 октября 1994 года рубль «рухнул», и за один доллар стали давать четыре тысячи рублей вместо двух тысяч восьмисот. Тут же поднялись цены на все импортные товары, а под шумок – и на российские. Черномырдин прервал свой отдых на Черноморском побережье и примчался в Москву. Ельцин заявил, что это сговор коммерческих банков с коммунистами, но в любом случае виноват Председатель Центробанка господин Геращенко. Оппозиционная Ельцину Дума отказалась утвердить документ об отстранения непотопляемого Геращенко. Тогда Президент нашел другого козла отпущения – министра финансов Дубинина. Явлинский сказал, что специалист такого уровня как Геращенко не может не нести ответственности за финансовое состояние в стране. Как это, руководитель Центробанка не знает, на что рассчитывать рублю сегодня, на что завтра. В подобной ситуации в цивилизованных странах руководители высшего ранга подают в отставку. Геращенко сказал; «Подавать в отставку? Не вижу оснований» и укатил в Америку на празднование годовщины открытия Российского банка в США. Егор Гайдар выразился предельно ясно: «Кто-то нажил в один день десятки миллиардов, а потеряли, естественно, опять рядовые граждане».

Предположения о целенаправленной диверсии коммунистов не подтвердились.

Правительство от этой «операции» в накладе не осталось и быстро успокоилось, забыв про «виноватых»…А доллару уготовано было, скорее всего, и дальше дорожать, прежде всего, потому, что, как сказал Алексей Николаевич, «в России нет объективных причин для стабилизации собственной валюты. Необходимое условие стабилизации – устойчивое развитие экономики, чего у нас нет. С чем мы нас и поздравляем».

Василий Никифорович, ругаясь на чем свет стоит, и, обзывая Ельцина, Геращенко, а заодно и Думу со всеми ее правыми и левыми, последними словами, поддавшись всеобщей панике, понес менять оставшиеся рубли на доллары, сам не веря в здравый смысл этой затеи. Галина Михайловна плакала и отговаривала мужа от этой затеи, справедливо полагая, что в нашей стране рассчитывать на какую-то логику бесполезно, «они» что-нибудь обязательно придумают такое, что завтра потеряются и доллары. В хитромудрии им равных нет…

Даша помнила весь этот кошмар, когда родители теряли разум и хватались за голову, не понимая, что происходит, что делать и как в этих условиях выживать. Немного утешало то, что и другие, их знакомые, живут в таком же перевернутом состоянии. Учиться в институте стало трудно и противно. Появились мальчики и девочки, которые приезжали на лекции в дорогих иномарках, не очень обременяли себя учебой и сдавали зачеты и экзамены за мзду. Впрочем, и в институт

они поступали за деньги. Преподаватели, даже самые принципиальные, загнанные в угол нищенской зарплатой и снижением их статуса преподавателя ВУЗа до статуса дворника, когда ученая степень вызывает иронические усмешки, а величина зарплаты сочувственное покачивание головой, дрогнули при виде долларовых знаков, которые им беззастенчиво стали предлагать наглые отпрыски нуворишей.

Даша и другие, кому надеяться в жизни было не на кого, старались, зубрили и учились прилично. На таких преподаватели рассчитывали и делали ставку, как на будущих специалистов, и с ужасом думали о пациентах, которые когда-нибудь, не дай Бог, попадут к горе-студентам, которым дорогу к высшему образованию открыл папин толстый кошелек. К чести сказать, среди преподавателей почти не было вымогателей: они видели разницу между богатыми оболтусами и нормальными, пришедшими за знаниями, студентами, и Даша закончила свой медицинский, правда, не с красным дипломом, но вполне прилично, и стала врачом-дерматологом. Теперь она благодарила судьбу за то, что с первого раза не поступила в Первый медицинский. Большой вопрос, смогла бы она в это полуголодное лихое время проучиться шесть лет в Москве. До них доходили слухи о распространении наркомании и проституции в московских ВУЗах. Хотя студенты тоже разными бывают. Оно и в Воронеже были девочки, которые приторговывали собой, кто от нужды, кто просто удовольствия ради, бывало, и «травку» покури-

вали, хотя это уже была блажь более обеспеченных. И все же провинция оставалась менее падкой на нововведения, а сексуальная революция не приобрела в ней всеобщего размаха и поголовного разгула похоти.

Дом был в двух часах езды от места учебы, и Даша привозила из дома продукты: картошку, варенья, соления и даже тушенку, которую отец делал из крольчатины. Сначала Даша жила в общежитии, потом Ленка уговорила ее переехать к ней в комнату, которую ей сняла мама у какой-то своей старой знакомой. На двоих это вышло не так дорого, но с подругой жить действительно оказалось удобнее. Продукты и у нее, и у Лены были из дома. Их привозила Ленкина мама или отец Даши, иногда они ездили домой сами. С парнями они дружили в основном из своей группы. На праздники уезжали домой, дни рождения отмечали у девочек в общежитии. Мальчиками ни Даша, ни Лена не увлекались, хотя те время от времени надоедали им своими ухаживаниями. Все время поглощала учеба…

Но коварный Амур уже затаился и только ждал случая, чтобы поразить Дашино сердце своей неотразимой стрелой.

Глава 5

Виталий Юрьевич всегда с неохотой вспоминал историю с РДС, в результате которой он лишился не только машины, но и тех сбережений, о которых люди говорят, что они «на черный день».

Легковую машину «ИЖ-комби» Виталий Юрьевич в свое время купил с рук. Причем, сначала он был согласен на «Запорожец». Как говорила Ольга Алексеевна, «по Сеньке и шапка», имея в виду их капитал. Но, как говорится, аппетит приходит во время еды. Когда они купили дачку, вернее, четыре кирпичные стены с мансардой, но без потолка и пола, Виталий Юрьевич, поездив туда сезон в переполненном автобусе, после чего приходилось еще шагать три километра с рюкзаком за спиной, загорелся идеей купить мопеды: для себя и для Ольги Алексеевны. Хотел сделать сюрприз и, прикатив их вдвоем с рабочим, которому дал на бутылку, к дому, сиял как полная луна. Ольга Алексеевна повела себя совершенно неожиданно.

– А ты думал, я от твоих затей приду в восторг? – сказала она мужу. – Я промолчала, когда ты дачу покупал. Сарай – не сарай и домом не назовешь. Ты помнишь, сколько сил нужно было положить, чтобы достроить эту твою хибару? И денег… Ладно, я смирилась. Теперь эта твоя новая дурь, мопеды… Во-первых, я на эту твою тарахтелку, хоть озоло-

ти, не сяду. Во-вторых, где ты их собираешься держать?

– В лоджии, – бодро ответил Виталий Юрьевич. – Места много не займут.

Ольга Алексеевна с недоверием посмотрела на мужа:

– А как ты их в лоджию затащишь?

– Подумаешь, проблема, – беззаботно пожал плечами Виталий Юрьевич.

В лоджию он мопеды затащил, но оптимизма у него после этого поубавилось. Мопеды были значительно тяжелее обычных велосипедов, а колеса только с виду были похожи на велосипедные, и если по дороге катились хорошо, то по ступенькам взбираться отказывались. Виталий Юрьевич с трудом затащил один за другим мопеды в лоджию, и его дыхание походило на хрип загнанной лошади. «Слава тебе, Господи, что ты поселил нас на второй этаж, а не на девятый», – мысленно вознес хвалу Виталий Юрьевич, вытирая пот с лица.

– Не хочешь ездить на мопеде, сам буду ездить, когда нужно будет что-то тяжелое тащить, – неуверенно сказал Виталий Юрьевич и с трудом один мопед продал за цену меньшую, чем купил.

Второй мопед Виталий Юрьевич продал после своей первой и последней поездки на дачу.

Поездку эту он наметил на день рождения жены. Ему хотелось явиться домой с охапкой тюльпанов, которые росли на даче в избытке. Они лезли из земли с мощной силой ди-

кой травы и в мае радовали глаз, затмевая собой культурное огородное пространство с первыми всходами лука, редиса и другой ранней зелени. Рано утром, съев наскоро овсяной каши и выпив чашку чая, Виталий Юрьевич потащил свой мопед во двор.

– Хочу попробовать, – сказал он Ольге Алексеевне. – Немного прокачусь. Заводить-то я уже его заводил, а ездить еще не пробовал.

Ольга Алексеевна отмахнулась от него как от назойливой мухи: мол, чем бы дитя ни тешилось, и пошла на кухню готовить праздничный ужин к вечеру. Вслед ему крикнула:

– Недолго. Мне надо будет помочь, а то мы с Милой не управимся.

Мопед завелся быстро, с третьего раза, но когда Виталий Юрьевич сел в седло и стал прибавлять газ, мотор заглох. Так он заводился и глох всякий раз, стоило на него сесть и крутануть ручку газа. Затарахтел мопед только под горку. Виталий Юрьевич прибавил газу и покатил по улице, испытывая при этом невыразимый восторг, который знаком всякому, впервые севшему за руль самоходного устройства.

Счастье Виталия Юрьевича кончилось на первом подъеме, которых было в избытке на шоссе, ведущего к даче. Мотор глох, и в гору Виталий Юрьевич тащил его своим ходом. Под уклон мопед заводился, и дальше, по ровной дороге, шел бойко, но на подъеме глох. Последний крутой подъем после мостика через неширокую быструю речушку перед

самой дачей совсем выбил Виталия Юрьевича из сил. Зато, съехав с горки, он пролетел птицей до своей калитки, и сам заглушил мотор.

Виталий Юрьевич вдохнул полной грудью чистый загородный воздух, так что даже немного закружилась голова. Тишину нарушали лишь голоса дачников, и не было сплошного городского гула от тысяч движущихся машин, и не было сплошной гари от выхлопных газов, бензина, запаха от невыделанных шкур с мясокомбината, гари от сгорающего угля с ТЭЦ.

Деловито жужжали пчелы, перекликались птицы. Начала было куковать кукушка, но тут же умолкла: то ли ее спугнул кто-то, а, может быть, ей еще рано было куковать; завела свое однообразное «витя-витя-витя» славка.

Вдруг запел соловей. Он рассыпался трелью, потом защелкал, затрещал не хуже кастаньет в руках опытного музыканта, замолкал и начинал снова, иногда подражая какой-то птице.

Эта серенькая неброская птичка всегда приводила Виталия Юрьевича в восторг, и он думал о том, что это совершенство природы не иначе как последняя точка в божьем промысле того дня, когда Бог населял Землю.

А еще Виталий Юрьевич отмечал: как только начинали петь соловьи, все птицы умолкали, будто отдавали дань совершенству.

Пахло сиренью, мятой, травой и речкой. Молодая зелень

радовала глаз нежным прозрачным цветом, который бывает только весной. Все вокруг благоухало и цвело, поражая силой, с которой пробудилась жизнь, казавшаяся мертвой после зимы.

Виталий Юрьевич ощутил прилив сил, и его утомительное дорожное путешествие показалось вдруг смешным и незначительным. Он зашел в дом и с удовольствием отметил, что дом совсем неплох. Несмотря на некоторую бестолковость, свойственную людям творческого склада, руки у него были мастеровые, и шло это, вероятно, от деда: тот мог и дом построить, и мебель смастерить. За прошлое лето Виталий Юрьевич настелил пол внизу, на первом этаже и в мансарде, подшил потолки, да еще заложил фундамент, собираясь расширить дом под кухню и веранду, а над верандой сама просилась лоджия с выходом из спальни, которую они с Таисией Ивановной уже устроили в мансарде, обшив ее деревом. Иногда Виталию Юрьевичу помогали за выпивку и небольшие деньги деревенские мужики: с ними его свел случай в сельмаге, когда он добавил им недостающие деньги на водку. Мужики оказались хоть и пьющими, но незлобивыми и рукастыми.

И это уже была дача. Хотя в России дачей называли любой кусок земли с сарайчиком для лопат и грабель, где сажают картошку, огурцы, морковку и лук. Виталий Юрьевич вспомнил, как однажды какая-то французская делегация, каких в их городе много бывает, так как город тем знаменит,

что в нем родились, жили и работали многие выдающиеся писатели и общественные деятели, а уж проездом кто только ни останавливался, включая Пушкина. Так вот, французы никак не могли взять в толк, что это за шалаши стоят на квадратиках земли, словно заплатки на русских самодельных одеялах. Французам вежливо объяснили, что это загородные зоны отдыха городского населения. «Русские виллы?» – спросили французы. «Не совсем так, – смутились наши. – Это подсобные хозяйства, где трудовой народ выращивает для себя овощи и фрукты». «А почему это делает трудовой народ из города? Разве не выгоднее овощи и фрукты выращивать на фермах трудовому народу из села?» «Нашему трудовому народу из города доставляет удовольствие выращивать экологически чистые продукты самим, своими руками», – нашлись наши. «Ваши люди есть очень здоровые, – сделали вывод французы, – если у них хватает сил работать на производстве и еще выращивать овощи». «Они не есть очень здоровые, они просто хотят есть», – зло подумал наш гид. На вопрос, почему они строят такие маленькие домики, больше похожие на шалаши, а не большие, раз это еще и зоны отдыха, наш гид ничего не ответил. Не мог же он раскрыть государственную тайну, что существует норма для строительства загородных домиков, утвержденная правительством Советского Союза, по которой запрещалось строить дом более чем пять на пять метров. Поэтому более состоятельные и находчивые строили дома вверх со вторым

этажом, а то и с мансардой вместо третьего. Эти дома-теремки вызывали зависть у соседей, а хозяев называли презрительно «буржуями»…

Помня о том, что назад придется возвращаться опять на мопеде, Виталий Юрьевич с сожалением закрыл на ключ свой домик и стал срезать тюльпаны. Тюльпаны он связал и положил на багажник, прижав их пружинной сеткой.

Завести свой мопед Виталий Юрьевич, как ни старался, не смог. Он хотел уже оставить его на даче и как-нибудь уехать автобусом, но на его счастье приехал на своем «Москвиче» сосед. Виталий Юрьевич, жалуясь, стал возбужденно рассказывать, как он ехал на своем мопеде и как тот глох ни с того, ни с сего. Сосед осмотрел машину, попробовал завести, что-то крутил, потом с разгону завел, проехал сам и сказал:

– Мопед – говно! Как не умели делать, так и не научились. У меня был, двухскоростной. Тот получше, но тоже говно. Так что ты, Юрьич, копи лучше на машину. Это будет понадежней»

Сосед поддержал мопед с севшим в седло Виталием Юрьевичем, пробежал, толкая его, несколько метров, и, когда мопед затарахтел, помахал вслед рукой. Но этого Виталий Юрьевич уже не видел.

Теперь все повторилось в обратной последовательности: там, где в сторону дачи был спуск, в сторону дома шел подъем, и Виталий Юрьевич опять тащил мопед в гору, упираясь

ногами в неровный асфальт и тяжело пыхтя.

В городе, когда до дома оставалось рукой подать, мопед по закону подлости катился как по маслу, ни разу не чихнув. Ольга Алексеевна выскочила навстречу:

– Где ты был? Мы с Милой все переволновались. Уж не знали, что и думать. Разве так можно? Гости собрались… Господи, ну и видок у тебя.

Виталий Юрьевич кисло улыбнулся. Руки его были в масле, одна штанина спортивных брюк порвана. Дрожащими от усталого напряжения руками, он поднял пружинный держатель багажника, взял тюльпаны, вернее то, что осталось от них в дорожной тряске, и вручил жене.

– Горе ты мое! – засмеялась Ольга Алексеевна. – На дачу ездил. Спасибо. Она поцеловала мужа в щеку. – Пойдем. Тебе надо умыться.

Виталий Юрьевич втащил свою машину на лестничную площадку. Сил у него не осталось даже на то, чтобы вкатить ее в лоджию, и мопед ставил на место его друг, профессор Алексей Николаевич…

Мопед был продан за смешную цену, и Виталий Юрьевич, уже вкусивший сладкую прелесть движения с помощью бензинового двигателя, стал изучать объявления в газете о продаже автомобилей. Он искал «Запорожец». Но на глаза както попал «Москвич ИЖ-комби» по цене не намного выше стоимости «Запорожца», и Виталий Юрьевич пошел с Ольгой Алексеевной смотреть автомобиль. Когда он увидел ма-

шину, она показалась ему верхом совершенства. Пятидверный автомобиль небесного цвета, вместительный, что твоя квартира. У Виталия Юрьевича екнуло сердце: так захотелось ему эту машину. Именно эту и никакую другую. Но беда была в том, что на «его» «ИЖ-комби» уже были покупатели. Двое молодых мужчин возились под капотом, что-то там щупали и тихо переговаривались. Виталий Юрьевич слышал слова, от которых приятно замирало сердце: маслопровод, зажигание, генератор, гидропривод, аккумулятор. Он надеялся, что опередившим его покупателям что-нибудь не понравится, и они откажутся от машины, но они объявили, что покупают ее. Тогда Виталий Юрьевич, еще на что-то надеясь, дал хозяину номер своего телефона и всю следующую неделю напрасно ждал звонка.

Сосед по даче сказал ему:

– Юрьич, а чего ты машину в газете ищешь? Сейчас на Щепном базаре полно машин на продажу. Выбирай, какую хочешь. На любой вкус и деньги. Это не то, что в старое время.

В одно из ближайших воскресений Виталий Юрьевич отправился с Ольгой Алексеевной на автомобильный рынок. И действительно, каких только автомашин здесь не было. От «Побед» и «Эмок» до иномарок, которых, правда, стояло всего штуки три.

– Как все изменилось, – подумал Виталий Юрьевич. – Ещё всего каких-то три-четыре года назад о том, чтобы вот так

запросто купить машину, нельзя было и мечтать. А тут, вон сколько, были бы деньги.

И вдруг он встал как вкопанный. Его взгляд споткнулся о синий «ИЖ-комби». Это была та самая машина, которую у него, можно сказать, из-под носа «увели». И продавали машину те же двое мужиков, которые неделю назад купили ее. И как Ольга Алексеевна ни уговаривала мужа походить по рынку и посмотреть другие «Москвичи», которых было пруд пруди, и которые стоили не дороже, Виталий Юрьевич уперся бараном в свой синий, цвета неба, «ИЖ», и оттащить его было уже невозможно…

Машину загнали в гараж, приобретенный к тому времени за ссуду, взятую в банке через завод под сравнительно низкий процент, те же мужики.

Пока Виталий Юрьевич учился от предприятия на бесплатных курсах автолюбителей, он каждый день ходил к своей машине в гараж как на работу. Он садился на место водителя и блаженно по часу сидел, представляя, как поедет по улицам города, включая то левый, то правый повороты, иногда нажимая на сигнал, предупреждая нерадивых пешеходов, лезущих под колеса. Он открывал капот и долго смотрел внутрь, но, будучи человеком гуманитарным, ничего не понимал в хитроумном устройстве, что, однако, не мешало его счастью, и он был преисполнен гордости от того, что обладал этим мощным красавцем. Когда на курсах стали учить практическому вождению, он в первый раз попробо-

вал завести свой «ИЖ-Комби», но как Виталий Юрьевич ни старался, тщетно – машина не заводилась, и это напоминало ему мопед, с которым он в свое время изрядно намучился. Слесарь из опытного производства предприятия, где работал Виталий Юрьевич, осмотрел его «Москвич», покачал головой и сказал с укором:

– Умные люди, которые сами не разбираются в технике, прежде чем купить машину, советуются со специалистом. Что же вы, Виталий Юрьевич, шли делать такую покупку и не взяли с собой механика?

Виталий Юрьевич виновато развел руками.

– Вам продали кота в мешке. Здесь не только механику нужно поработать, но и слесарю. Во-первых, машина прошла, меньше чем за четыре года, семьдесят пять тысяч километров. И видно, хозяин ее не особенно жалел. Аккумулятор свое отработал, нужно менять, свечи зажигания купить новые. На свечи денег не жалейте, как и на моторное масло: покупайте дорогое. Замок зажигания тоже требует замены. Коробку передач просто необходимо перебрать…

Виталий Юрьевич понуро слушал специалиста, и лицо его скисало на глазах.

– Сколько отдали за нее?

– Двести тысяч, – глухо вымолвил Виталий Юрьевич.

– Сто пятьдесят ей красная цена, – безжалостно определил слесарь истинную цену авто, отчего Виталий Юрьевич сник окончательно и угрюмо смотрел на свои семьдесят пять

лошадей, спрятанных под одним капотом.

– А вы, Федор, не могли бы привести машину в порядок? – с робкой надеждой попросил Виталий Юрьевич.

– Не знаю, – задумался Федор. – Мне своей нужно заняться, все руки не доходят. Потом у меня стоит битый «Жигуленок» одного начальника. Надо отрихтовать и закрасить. Ну, это, правда, пустяки: пару дней работы… Не знаю.

– Пожалуйста, Федор, я заплачу, сколько скажете.

– А вы знаете, на сколько это потянет? – Федор строго посмотрел на Виталия Юрьевича. – Если все полностью, со слесарными работами, с переборкой коробки?

Виталий Юрьевич, молча, смотрел на Федора, покорно ожидая приговора.

– Тридцать тысяч, – вынес Федор вердикт после долгой паузы.

– Я согласен. Хорошо, – поспешил согласиться Виталий Юрьевич.

– Плюс все детали, которые я укажу, – добавил Федор.

– Да, конечно. Само собой, – закивал головой Виталий Юрьевич.

Ольга Алексеевна, когда узнала, во сколько обойдется ремонт машины, потеряла дар речи, и лицо ее пошло красными пятнами. Но она не кричала, не топала ногами и не закатывала истерики.

– Господи! Что ж ты такой бестолковый! Тебя дурят на ровном месте, и ничему тебя, дурака, так и не научили.

Эти мужики нашу машину за сто семьдесят тысяч купили, поснимали, видно, все рабочее, а потом тебе за двести тысяч всучили. Да за эти деньги можно было такую машину купить!.. Говорила, давай походим, посмотрим. Нет, ухватился за эту развалюху, как дурак за писаную торбу… Господи! – воскликнула Ольга Алексеевна. – О чем я говорю? Месяца не прошло, как тебя с долларами надули, а теперь с этим.

– Ну, с долларами никто не застрахован, – стал оправдываться Виталий Юрьевич. – Они ж, эти мошенники, почище Акопяна.

Промах с долларами случился с Виталием Юрьевичем, когда он пошел менять их на рубли. Они с женой все свои сбережения, как многие, после того как сберкнижки в одночасье превратились в пустые фантики, не доверяя сберкассам, держали в долларах и вещах. Весь угол их зала занимали дефицитные импортный двухкамерный холодильник, нераспакованный цветной телевизор, кухонный комбайн и музыкальный центр. Это и был основной их капитал, на который они собирались купить машину. Время от времени им приходилось менять доллары на рубли, потому что индексация пенсий не поспевала за инфляцией и денег на жизнь катастрофически не хватало.

У обменного пункта Виталия Юрьевича остановил меняла в кожаной куртке и бейсболке. Здесь всегда крутились бойкие ребята, которые меняли доллары и скупали золото.

– Отец, доллары нужны?

– Нет, я хочу обменять доллары на рубли, – доверчиво пошел на сближение Виталий Юрьевич.

– Да пожалуйста! Я даю больше, чем в обменном пункте. Покажи-ка, они у тебя не фальшивые?

– Как можно? – обиделся Виталий Юрьевич и полез в карман за долларами, но благоразумно показал только одну из двух стодолларовых купюр. Меняла стал зачем-то тереть бумажку, потом стал складывать ее и все как-то отворачивался от Виталия Юрьевича. Тот забеспокоился, чувствуя неладное, и потребовал вернуть назад свои сто долларов. Малый, бормоча что-то вроде того, что деньги нужно тщательно проверять, вернул хозяину его купюру. Виталий Юрьевич ругал себя за то, что вместо честного обмена в официальном пункте, связывается с проходимцами. Обман раскрылся, когда в обменном пункте он получил вместо сорока тысяч рублей за двести долларов всего двадцать две тысячи за сто и десять долларов. Мошенник успел подменить одну купюру в сто долларов на один доллар.

Ольга Алексеевна поохала, поругала мужа и на том успокоилась. А что, в конце концов, было возмущаться? Они оба были, если объясняться языком жуликов, «лохами», и один случай научить их не мог, потому что для них уже готовилась где-то другая, еще более хитрая хитрость. Изобретательность мошенников не знала предела.

У самой Ольги Алексеевны таскали из сумки кошельки, ее грабили цыгане, дурили нищие. Как-то в магазине к ней

подошла бабулька, божий одуванчик, и попросила плаксиво:

– Дочка, на хлебушек не хватает, подай бабушке. Есть очень хочется.

Ольга Алексеевна, страдая от сочувствия, подала десять рублей.

– Что ты, доченька, хлебушек-то тридцать стоит, а у меня-то ни копеечки.

И Ольга Алексеевна безоговорочно дала бабульке тридцать рублей, устыдившись своей черствости. А через полчаса зашла в кафе на той же улице, чтобы купить бутылку минеральной воды, и увидела свою «голодную» бабульку, которая восседала за круглым столиком и уплетала пирожные с кофе, надо полагать, за деньги таких же сердобольных и жалостливых как Ольга Алексеевна…

Машина – это было здорово. Они ездили на дачу и больше не таскали на своем горбу и в сумке на колесах кабачки, которые у них росли особенно буйно, чего не скажешь о других культурах, Одна беда: невозможно было предсказать, как поведет их автомобиль в следующую минуту. Он, например, мог не въехать на ту не очень крутую горку, которая венчала последний спуск перед дачей; она могла не завестись утром, когда они оставались ночевать в своем дачном домике, и тогда Виталий Юрьевич открывал капот, без всякого толку смотрел на провода и шланги и очень приблизительно представлял, для чего они и куда ведут. Все, что он мог, это вывернуть и почистить свечи, и это иногда помогало:

машина, почихав немного, заводилась. Чаще злополучную машину заводили с буксира, благо, на дачах кто-нибудь да проезжал на своей машине. Однажды машина вдруг заглохла на перекрестке перед светофором. Машину сердобольные прохожие помогли выкатить к тротуару. Виталию Юрьевичу казалось, что над ним смеются, и ему было очень неловко. Вот также как-то на курсах вождения во время практических занятий он растерялся, не смог совершить поворот на перекрестке и встал. Инструктор матерился, потому что из проезжавших мимо автомобилей высовывались улыбающиеся физиономии и отпускали шутки в адрес и ученика, и инструктора, а из КАМАЗа показалась мордастая голова и пробасила: «Привет чайникам!»

Проблем не было, если сосед по даче оказывался на своем участке в одно время с Виталием Юрьевичем. Тогда он быстро разбирался в неполадках и заводил машину, но при этом говорил:

– Ну, Юрьич, ты и коня себе купил. Это скорее кляча какая-то. И советовал:

– Да продай ты ее к лешему.

И Виталий Юрьевич решился. Инфляция как хороший стайер, не только не снижала темпа на дистанции, но и ускорялась, достигнув совершенно ненормального уровня.

Виталий Юрьевич вел дневник, в котором использовал наиболее яркие публикации из газет. Дневник этот отражал все важнейшие политические события, судьбоносные для

будущего России в тот период времени, когда формировалось демократическое государство с его уродливой экономикой и криминальными структурами. Но это было не главным. Сухие политические факты интересовали Виталия Юрьевича постольку-поскольку. В своем дневнике он пытался рассказать о простых людях, живущих в новых условиях далеко от Москвы, показать особенность характера русского человека, раскрыть загадку его души и таланта. Когда-нибудь, когда улягутся страсти, Россия успокоится и наступит стабильность, он собирался использовать свой дневник, как основу для книги. У него даже сложилось условное название книги: «Политический дневник. Записки провинциала». Цифры, которыми располагал Виталий Юрьевич, были красноречивы.

Если сравнивать с тем временем, когда колбаса стоила два рубля двадцать копеек, то цены к 1994 году увеличились на отдельные виды продуктов питания, например, на мясо в 1700 раз, на хлеб в 1000 раз, а стоимость потребительской корзины из 19 наименований важнейших продуктов в расчете на месяц составила в 1994 году 32,5 тысяч рублей (кстати, в США потребительская корзина рассчитывалась из 300 видов наименований). Доллар в начале 1993 года стоил 720 рублей, в июне уже 1040, а в январе 1994 года – 1540 рублей. Пенсии за это время увеличились на 300%, зарплаты на 290%. Цены скакали не по месяцам, а по неделям. 30% населения не дотягивали до прожиточного уровня,

50% еле сводили концы с концами… Война в Чечне продолжалась.

В это время банки и сберкассы выплачивали по вкладам до 100% годовых. Финансово-инвестиционные компании типа РДС, МММ, ХОПЕР и другие выплачивали до 500% годовых от вкладов и успешно противостояли инфляции.

– Оля, – сказал Виталий Юрьевич жене. – Если мы продадим машину и положим деньги в банк, то наш вклад через год удвоится.

– А если инфляция будет еще выше, то вдвое уменьшится, – возразила Ольга Алексеевна.

– Почему? Банки же тоже будут повышать проценты годовых ставок… Во всяком случае, деньги мы не потеряем. А там добавим и, может быть, приличную машину купим.

Ольга Алексеевна не стала спорить, только пожала плечами.

Глава 6

Вадик позвонил Миле на следующий день и пригласил в ресторан. Мила чуть поколебалась и согласилась.

Настроение было приподнятое. С утра она съездила в Институт зернобобовых, нашла «Лабораторию биохимического анализа», где работала Наташа, о которой говорила Даша. Наташа встретила Милу приветливо, будто давнюю знакомую, и сразу повела к своему начальнику. Начальник, Петр Никодимович, пожилой мужчина с добродушным круглым лицом, посмотрел на Милу сквозь толстые стекла очков, и Мила поняла, что ему что-то в ней не понравилось.

– Какая у вас специальность по диплому? – спросил Петр Никодимович.

– У меня биологический факультет, – ответила Мила.

– По специальности работали?

– Нет, – смутилась Мила и покраснела до ушей.

Петр Никодимович мягко улыбнулся:

– Ничего страшного, – успокоил он. – Не боги горшки обжигают. Важно, чтобы вы задержались у нас не на один день. А то ваша предшественница проработала здесь ровно один месяц. Конечно, можно маникюр испортить, работа у нас не для белоручек.

– И Мила поняла, что в ней так насторожило начальника лаборатории. Она успела отметить, что женщины в лабо-

ратории одеты просто. Наташа тоже была в простой черной юбке миди, неброской голубой шерстяной кофточке и туфлях на низком каблуке. Но все ей шло. Вырез кофточки и забранные вверх волосы эффектно открывали шею. Некоторую некрасивость лица компенсировала гордая посадка головы и мягкие черты, а высокий рост позволял ей оставаться стройной даже в обуви на низком каблуке. Мила была одета модно, хотя строго и пристойно. Туфли на шпильке, черный брючный костюм, под пиджаком белая шелковая блузка; из украшений только золотая цепочка и недорогой под золото браслет, на пальце простой золотой перстенек с аметистом. Но ладная фигурка и короткая стрижка темных волос на хорошенькой головке гармонично вписывались в этот не очень-то и затейливый наряд, делали Милу привлекательной, и обманчиво казалось, что такая девушка способна только праздно проводить время.

– Я работы не боюсь! – поспешила сказать Мила, досадуя на себя за то, что не сообразила одеться попроще, и уж, по крайней мере, не надевать туфли на шпильках.

– Будем надеяться, – готов был поверить Петр Никодимович и сказал:

– Ну, если зарплата вас устраивает, пишите заявление, заполняйте анкету, все как положено… Наташа вам все расскажет.

– Про зарплату мне сказали. Но мне хотелось бы узнать… – Мила замялась.

– Да-да! – подбодрил ее Петр Никодимович.

– В вашем институте у меня будет возможность вести какую-нибудь научную тему?

– Вы имеете в виду тему для диссертации? – уточнил Петр Никодимович.

Мила кивнула.

– Несомненно. Вы идете на должность МНС. То есть, вы по определению должны заниматься научной работой. Возьмете тему, будете ее вести. У нас все при Институте: и аспирантура и защита. Не смотрите, что мы сейчас бедные, и зарплаты у нас, по сути, нищенские. Сейчас все вверх ногами. Однако, нститут наш и в Европе знают. Специалисты у нас знатные. Шесть докторов, пятнадцать кандидатов. Вот Наташа, молодец, у нас в этом году защищается. И с публикациями проблем нет: статьи мы публикуем и у себя, и в других научных журналах.

И Мила пошла писать заявление о приеме на работу в НИИ.

Дома Мила перекусила, обрадовала родителей, сообщив им по телефону о своей новой работе, и поехала в Дом творчества школьника. Здесь ее и застал звонок Вадика.

В восемь часов он ждал Милу у ее подъезда. Она не сразу сообразила, что он может заехать за ней на машине и, выйдя из дома, конечно, чуть опоздав, поискала глазами и недоуменно посмотрела по сторонам. И тут же увидела, что Вадик выходит из черной иномарки с тремя красными роза-

ми в руках. «Тыщ на тридцать», – с удовольствием отметила Мила и, неспеша, чтобы видели соседи, села в машину. Эмоции переполняли ее. Сегодня так все удачно складывается. И новая, пусть с не очень большой зарплатой, но интересная работа. И шикарная машина, и ресторан. Но тут же Мила одернула себя. Привычка относиться к себе иронично и с легким скептицизмом к окружающему заставила ее усмехнуться: «Подумаешь, важность. Тоже мне, «лягушонка в коробчонке». Надулась как индюк. А завтра опять к разбитому корыту». Однако это не испортило ее настроения, и она еще раз отметила: «Господи, как мало нужно человеку для счастья! Ведь на самом деле счастье – это просто. Разве не счастье, что ты живешь на белом свете? И разве не счастье проснуться утром от яркого лучика солнца, которое начинает заполнять комнату, ты жмуришься от яркого света и уже торопишься встать, чтобы не пропустить что-то важное или куда-то не успеть, и тебя переполняет радость бытия. Папа всегда говорит, что человек должен иметь денег ровно столько, чтобы о них не думать. Это хорошо и даже идеально, потому что «с милым рай в шалаше» – это все же фольклор, упрощенный до минимума, поэтому и поговорку эту народ приземлил до ехидно-практичного «с милым рай в шалаше, если милый атташе». Мила улыбнулась про себя. Все же счастье – это внутреннее состояние каждого. Как говорил Козьма Прутков: «Хочешь быть счастливым – будь им». И Мила, когда становилось совсем невмоготу от накопившихся обид,

от безденежья, проводила аутогенную тренировку, внушая себе: «Я молодая, красивая, у меня чудесный, здоровый ребенок – вот оно, мое счастье. Я все могу. Я всего добьюсь. У меня же и голова и руки на месте. Все у меня будет, и все будет хорошо». И ей действительно становилось легче, хотя помогало не всегда. Тогда она утыкалась лицом в подушку и давала волю слезам…

В небольшом уютном ресторанчике на окраине города было пусто. Они сидели за столиком в углу, тихо лилась из магнитофона музыка. Миниатюрные динамики висели на противоположенных стенах, создавая стереозвук. Мила посмотрела меню, цены повергли ее в шок, и она поспешила сказать Вадику, что полагается на его вкус. От коньяка она отказалась. Вадик заказал себе сто граммов коньяка и бутылку сухого «Каберне». На закуску им принесли салат из крабов и хорошо прожаренные антрекоты. Мила с удовольствием уплетала и то и другое. Она с детства любила мясо и рыбу. Что бы она ни ела, сыта была только, если съедала что-нибудь мясное. Бабушка говорила: «Ты у нас мясная девочка», а мама поддразнивала: «Ты, когда мясо видишь, рычать начинаешь». Объяснение этому Мила нашла в одном медицинском журнале, который взяла у Ленки. В журнале приводилась таблица питания по группам крови, и оказалось, что организму с ее группой крови требуется пища, богатая животными белками. Из таблицы она также поняла, почему не любит апельсины и мандарины, а на клубнику у нее вообще ал-

лергия. Зато ей показаны интенсивные физические нагрузки. «То есть, у меня на роду написано пахать всю жизнь», – с улыбкой заключила тогда Мила. Эту таблицу Мила показала маминой знакомой, тете Свете. Та перешла на вегетарианскую диету, полностью отказавшись от мяса, но через некоторое время стала чувствовать недомогание, у нее кружилась голова, на теле появилась сыпь, появилась общая слабость, а потом она стала терять сознание, и врачи долго не могли поставить диагноз. С таблицей тетя Света пошла к врачу-диетологу, и та подтвердила, что вегетарианство ей противопоказано. Она расстроилась, потому что, если честно, то вегатарианкой она стала исключительно из материальных соображений. В конце концов, ей пришлось плюнуть на эту дурацкую диету, и через месяц у нее исчезли все признаки недомогания…

Вадим был немногословен. Он курил хорошие сигареты, с обожанием смотрел на Милу и молчал. Мила понимала, что он стесняется, но это ей в людях нравилось.

– Вы живете одна? – спросил Вадим и смутился.

– С дочерью. Иногда я оставляю ее у родителей.

– Я хотел сказать, вы живете отдельно от родителей? – поправился Вадим.

– Да, бабушка оставила мне однокомнатную квартиру, – пояснила Мила. – А почему вы спросили? Отдельно от родителей – это плохо?

– Нет, что вы! Просто это больше по-европейски, чем по-

русски. У нас дети часто живут с родителями даже после того, как женятся. А вот в Англии, например, идея жить под одной крышей нескольким поколениям считается совершенно несовместимой с канонами частной жизни.

– Вы были в Англии? – спросила Мила.

– Я учился в английской школе два года. Не выдержал, удрал. Меня высекли, но я сказал, что лучше пусть убьют, назад не поеду.

– Ну и как?

– Отстали, – засмеялся Вадим, показывая крепкие, но неровные зубы.

– А что, так плохо в Англии было? – поинтересовалась Мила.

– Да чужое все. Люди другие. Все манерное, фальшивое, не наше. Ну, не по мне это, в общем. Души что-ли нет… Вот, бабушки. Вы дочь отвели к родителям, и они будут нянчиться с ней сколько угодно долго, причем, с удовольствием. И это для нас нормально. А английские бабушки могут очень любить своих внуков и с удовольствием будут угощать их по субботам и воскресеньям, они даже возьмут их к себе на пару недель во время отпуска родителей. Но они никогда не согласятся быть для них постоянными няньками.

– А американские бабушки и дедушки, я читала в газете, нанимаются к своим детям смотреть за внуками за деньги, – вставила Мила.

– Видите? Нам их не понять… У нас существует какая-то

связь поколений, а у них наоборот, разрыв между поколениями. И это даже одобряется… Вообще, англичане народ одинокий. Но даже там, где, вроде бы, много людей, все равно каждый из них одинок духовно. Например, в школе.

– Это можно объяснить, – отозвалась Мила. – В Англии все имущество и даже титул переходит по наследству только к старшему сыну. А остальные братья и сестры не получают ничего и должны устраивать свою судьбу сами. Англичане стремятся обеспечить детям хороший старт в жизни и выталкивают их из дома, как только почувствуют, что дети могут жить самостоятельно. Отсюда и разрыв семейных связей.

– Откуда вы это знаете? – удивился Вадим.

– Да просто читала книгу журналиста Овчинникова, помоему, «Корни». Я вообще считаю, что русские воспитывают бездельников и трутней, потакая подачками до седых волос. Ему за сорок, а он все у мамы «саночек».

– Это камешек в мой огород? – криво усмехнулся Вадик.

– Нет, что вы! – смутилась Мила. – Я просто констатирую факт

– Да нет, не извиняйтесь. Даже если и про меня. Мы – другая страна, и у нас другой… – Вадик запнулся в поисках нужного слова

– Менталитет, – подсказала Мила.

– Да, менталитет, – подхватил Вадим новомодное слово. – Нам поодиночке трудно выживать. У нас проблема с жильем, то есть «квартирный вопрос». Опять же, маленькие зарпла-

ты у молодых специалистов. Вот мы все и держимся за родителей, так же как они держались за своих. Что касается меня, то, поверьте, особенно завидовать нечему.

– Да не имела я вас в виду! – сделала протестующий жест рукой Мила.

– Верю! – улыбнулся Вадим. – Только, если вам интересно, я немного расскажу о себе. Может быть, это изменит расхожее мнение о генеральских детях… – Вадик немного замялся, как бы подыскивая слова, и заговорил спокойно и связно. – Дети военных – это особая категория. Они привыкают к перемене мест, но это не значит, что им просто расставаться с друзьями, которых они уже успели приобрести, и со школой, к которой успели привыкнуть. Каждый переезд – это стресс. У меня, может быть, в этом отношении сложилось все более благополучно, потому что дед по материнской линии был министром внутренних дел Молдавии в звании генерал-полковника. Мы, конечно, тоже поездили, но, сами понимаете, рука деда направляла отца, тоже милиционера, в правильное русло… Отец служил в престижных местах, учился в академии, быстро стал полковником, занялся наукой, защитился, потом генеральный штаб, а потом присвоение генеральского звания и назначение сюда. Кстати, не нужно считать, что отец добился всего только благодаря моему деду. Отец – человек честолюбивый и способный. И с дедом у них отношения были далеко не теплые. Дед был против брака моей мамы с отцом, и его предвзятость к мо-

ему отцу так и ушла с ним в могилу… И дед, и отец – люди по-военному дисциплинированные и строгие. Меня держали с детства в ежовых рукавицах. Даже мать не осмеливалась меня баловать. Меня и в английскую школу определили, чтобы воспитать аскетическую стойкость будущего военного. Помните, как Штольца отец выпихнул из родного дома в жизнь? Без слезинки, без сантиментов, с полным сознанием правоты своего решения. Вот точно так же и меня. Тогда я поклялся, что никогда не стану военным. В девять лет я еще не мог ослушаться, но мне хватило двух лет английской бурсы с лихвой. А потом все зашаталось. Умер дед. Между отцом и матерью, словно, черная кошка пробежала.

– Или тень деда, – тихо вставила Мила. Она внимательно слушала Вадима, и ей было его жалко.

– Может быть и тень деда, – согласился Вадим. – В общем, мама с отцом сюда не поехала, а я остался с ней. Вскоре она вышла замуж за своего старого институтского друга. Он врач-психиатр, профессор… А я подрос и переехал к отцу. Здесь я поступил в техникум, а потом уже в институт.

– А почему не сразу в институт? – поинтересовалась Мила.

– Видите ли, после молдавской школы мне трудно было сразу в институт. Да и потом я решил поступать в юридический, а юристу неплохо иметь экономическое образование. Я же в техникуме учился на экономическом отделении… Вот и все, – заключил Вадим. – Я вас не утомил?

– Да что вы, Вадик. Спасибо за то, что доверились мне, – мягко сказала Мила. – А ваш папа женился? – чуть помолчав, спросила она.

– Нет, мы с ним два холостяка, – улыбнулся Вадим.

– Вам нужна хорошая девушка…, – начала, было, Мила, но Вадим ее перебил.

– Мне не нужна хорошая или плохая девушка. Мне нравитесь вы, – неожиданно сказал Вадим, и это было похоже на объяснение.

– Вам со мной будет не интересно, вы намного моложе. И потом, у меня ребенок, – Мила старалась быть убедительной.

– Во-первых, все это не имеет никакого значения, во-вторых, вы не настолько моложе, чтобы это принимать во внимание.

Мила не стала продолжать дальше разговор на эту скользкую тему. Она открыто улыбнулась, обнажив бисерно мелкие зубы. Как говорит Дашка: «Хищные, как у пираньи».

– Давайте лучше выпьем. Раз уж мы говорили про Англию, то вы должны знать, что там возведена в культ легкая беседа. Это, по мнению англичан, способствует приятному расслаблению ума, а у нас с вами получается серьезный разговор.

Они выпили вина. Потом пили кофе и ели мороженное, а когда собрались уходить, Вадим достал из внутреннего кармана пиджака телефон, похожий на электронные игры, кото-

рые делали на папином заводе. «Мобильный телефон», – сообразила Мила. Эти телефоны только начали входить в обиход граждан новой России. Вадим набрал цифровой номер и сказал кому-то, что они минут через пятнадцать выходят. «Наверно, Жене», – подумала Мила, и верно, когда они вышли из ресторана, у входа их ждал Женя с машиной. По дороге они остановились у круглосуточного магазинчика.

– Я на минуту, – сказал Вадим.

– Ой, мне нужно хлеба купить, – вспомнила Мила.

Они купили хлеб, потом пошли в кондитерский отдел, где Вадим взял плитку шоколада «Вдохновение» и килограмм мандаринов.

– Это вам с Катей, – Вадим протянул пакет Миле. Мила покраснела и стала отказываться. Ей было неловко. Одно дело ресторан, когда она могла пойти или отказаться, другое – еда в подарок, даже если это шоколад и мандарины. И вообще, заботиться о дочери – это ее дело, и она делить это право с посторонним человеком не собиралась.

– Вадик, спасибо, но я это не возьму. У нас все есть – твердо отказалась Мила.

– Вадим немного растерялся и настаивать не стал, но когда они подъехали к дому и остановились, сказал:

– Мила, честное слово, я не хотел вас обидеть. Хотя я не вижу ничего в этом предосудительного… И что мне теперь со всем этим делать? Теперь вы ставите меня в неловкое положение, – было видно, что Вадим искренне расстро-

ен. Мила колебалась.

– Хорошо, – наконец решила она. – В мои планы обижать вас тоже не входило. Давайте ваши мандарины. Только пусть это будет в последний раз.

– Обещаю, – вздохнул Вадим с облегчением.

Не успела Мила переступить порог своей квартиры, как раздался телефонный звонок.

– Где тебя носит? – послышался Элькин голос. – Весь вечер звоню.

– В ресторане была, – засмеялась Мила.

– Да ну? С Вадиком? – догадалась Элька. – Ну и что, что? В ее голосе было нетерпеливое любопытство.

– Да ничего! Выпили вина, посидели.

– И все? – Элька была разочарована.

– Ну, хоть целовались? – с надеждой спросила Элька.

– Что я, больная? Сразу вот так, – обиделась Мила.

– Ну, о чем хоть говорили-то? – голос Эльки потускнел.

– Да так, всякое.

– Ну, а вообще, как он тебе?

– Да знаешь, Эль, мне его жалко. Хороший, умненький мальчик. Из хорошей семьи, воспитанный…

– Еще бы! – перебила Элька. – Ты знаешь, его сам Брежнев маленького на руках держал. Дед чуть не маршалом был.

– Странная ты, Эль! Ну причем тут дед? Какая разница, кто был тот, кто другой? Я про Вадика говорю.

– И я про него, – не смутилась Элька. – А чегой-то тебе его

жалко? У него, слава Богу, дом – полное счастье. Через год окончит институт, папа на любую престижную работу определит.

– Не сомневаюсь! – ответила Мила. – Может быть, у него и все есть, только нет главного.

– Чего это? – удивилась Элька.

– Нормальной семьи. Мать где-то там, отец – один, здесь. Парень вроде как сам по себе. Ни любви, ни ласки.

– Вот ты и дай ему эту любовь и ласку, – засмеялась Элька.

– Да нет у меня к нему ничего, кроме жалости, – разозлилась Мила. – Ну не воспринимаю я его всерьез.

– Ну и дура ж ты, Милка! Такой парень! Да тебе полгорода уже завидует, а ты нос воротишь. Не хочу даже с тобой разговаривать…

В трубке несколько секунд сопел и пыхтел Элькин голос, потом она сказала просительно:

– Ну, ты хоть не спеши. Не пори горячку. Сама говоришь, парня жалко. Да и все равно у тебя другого-то сейчас нет.

– Обещаю, – весело сказала Мила.

– То-то, – похвалила Элька. – Уж, по-крайней мере, с Вадиком не стыдно на людях показаться. Это не твой бывший, у которого все на публику. В магазин зайдет – деньгами трясет, шумит, всех на уши поставит.

– Ладно, Эль! Уже поздно, завтра договорим.

Мила не любила, когда говорили об Андрее, тем более плохо, Что было, то прошло. Как говорит отец: «De mortus

aut bene, aut nihil[4]».

Мила умылась, почистила зубы, поставила будильник на семь, добралась до подушки, и как в бездну провалился в глубокий сон.

[4] О мертвых или хорошо или ничего (лат).

Глава 7

Машину они продали за два миллиона рублей, что приблизительно соответствовало двумстам тысячам тех денег, за которые они ее покупали. Наиболее привлекательным Виталию Юрьевичу показался банк Менатеп, хотя у него в голове как-то сразу возникла ассоциация с «Бутеноп» из Козьмы Пруткова:

Марш вперед! Ура Россия!
Лишь амбиция была б!
Брали форты не такие
Бутеноп и Глазенап!

Название было на слуху, да и само помещение банка вызывало доверие. Кругом мрамор, золотом блестит медь начищенных дверных ручек, дорогая офисная мебель, компьютеры на столах банковских работников – все солидно, в отличие от сберкасс, куда Виталий Юрьевич деньги категорически нести не хотел. Сберкасса для него была прожорливым чудовищем с ненасытной пастью. В эту пасть уже провалились сбережения покойной матери Виталия Юрьевича: шесть тысяч, которые она копила полжизни, откладывая помалу и отказывая себе в необходимом. Это были деньги «на черный день», на похороны, на старость. Шесть тысяч по тем временам – это без малого двухкомнатная кооперативная квартира или новая машина. Одну тысячу, правда,

Виталию Юрьевичу государство позволило получить на похороны. Но эта тысяча уже была по стоимости совсем никакая и, чтобы похоронить мать, ему пришлось добавить еще две тысячи.

В банке их встретили обходительно, вежливо, убедительно ответили на все вопросы, и выходило, что банк сверхнадежен, уставной капитал – выше некуда, а проценты по вкладам неуклонно повышаются, так что никакая инфляция вкладчикам не страшна.

Продолжай атаку смело,
Хоть тебе и пуля в лоб —
Посмотри, как лезут в дело
Глазенап и Бутеноп.

Виталию Юрьевичу выписали сберегательную книжку со счетом на два миллиона рублей.

Домой они с Ольгой Алексеевной шли пешком. Опять была весна, и опять пахло сиренью, и молодая зелень радовала глаз. Стоял тот теплый майский день, когда не хочется забиваться в душную квартиру и тянет на воздух – в парк или просто погулять по улицам. Настроение у Виталия Юрьевича было приподнятое: и оттого, что погода стояла хорошая, и оттого, что деньги, наконец, пристроили в надежное место.

– Смотри! – Виталий Юрьевич тихонько толкнул локтем Ольгу Алексеевну.

Через дорогу шел цыган в пиджаке и брюках, заправленных в заляпанные грязью сапоги, на голове сидела набе-

крень зимняя пыжиковая шапка; из-под пиджака выглядывала красная шелковая рубаха. За цыганом семенила молодая цыганка в шикарном норковом полушубке и в стоптанных так, что ноги разъезжались в разные стороны, туфлях. Цыган, словно почувствовав внимание к себе, повел головой в их сторону, рот приоткрылся в белозубой улыбке, черные роскошные усы, лихо закрученные в ниточку, приподнялись вместе с губой. Цыганка поспешала за размашистым шагом своего мужчины, и смоляные косы мотались из стороны в сторону. Машины притормаживали, пропуская их, и раздраженно сигналили.

– Вот беззаботный народ, – засмеялась Ольга Алексеевна.

– Да ты посмотри, сколько в них жизни и достоинства, – живо отозвался Виталий Юрьевич. – Сапоги грязные, а он – барон, и все остальное трын-трава. А у нас вечные проблемы.

– Почему ты думаешь, что у них нет проблем?

– Ну, свои проблемы, конечно, и у них есть. Но они живут с природой в большей гармонии, чем мы, а поэтому, наверно, более счастливы, чем мы.

– Счастье – понятие относительное. Кто более счастлив, кто менее, – трудно объяснить.

– Ты права. Только я вслед за Гербертом Спенсером сказал бы, что это понятие не относительное, а разнообразное. Его слова: «Во все времена, у всех народов, у всех классов иначе понимали счастье. Если сравнить воздушные замки крестьянина и философа, то архитектура окажется разной».

Что-то вроде этого…

– Да разница небольшая, – сказала Ольга Алексеевна. – Иван с первого этажа любит свою корявенькую Вальку и по-настоящему с ней счастлив. Попробуй кто скажи ему, что она уродина, – морду набьет.

– То есть, «у хорошего мужа и чулында – жена», – засмеялся Виталий Юрьевич. – А ты знаешь, среди простых людей больше счастливых, чем среди богатых. Лишние деньги – от лукавого… И вообще, все духовные проявления человека идут от сердца, а не от ума.

У белого кирпичного двухэтажного здания, за металлическим решетчатым забором толпилась кучка людей.

– Что за демонстрация? – поинтересовался Виталий Юрьевич.

– Так это РДС, – ответила Ольга Алексеевна.

– Что за РДС такой?

– «Русский Дом селенга»

– Селлинга? Продажи, что-ли? У нас все теперь на иностранный манер. И что же они продают?

– Да ничего они не продают, – хмыкнула Таисия Ивановна. – Это финансово-инвестиционная компания. Говорят, они дают по вкладам 500 процентов, больше, чем любой банк.

– Этого не может быть, – не поверил Виталий Юрьевич. – А если это так, значит что-то нечисто.

– Не знаю. Говорят, – пожала плечами Ольга Алексеев-

на…

На следующий день Ольга Алексеевна пришла домой возбужденная и, захлебываясь от избытка чувств, затараторила:

– Ты знаешь, Виталик, я сегодня встретила Анну Петровну. Помнишь, экономист из «Отдела технической подготовки производства»? Так вот, она чуть больше полугода назад вложила в РДС двести тысяч, а недавно получила больше шестисот тысяч. И это только проценты. А те, свои двести тысяч, еще оставила.

– Врет твоя Анна Петровна, – безапелляционно отрезал Виталий Юрьевич.

– Да она мне книжку показала. У них не так как в сберкассе или в банке, они увеличивают ежедневно взнос на пять рублей на каждую вложенную тысячу. А это даже больше, чем 500 процентов в год.

– Интересно, как это они умудряются выплачивать такие деньги? Если это пирамида, то есть последующие получают деньги предыдущих, то это афера. И в таком случае государство должно было прикрыть эту лавочку.

Виталий Юрьевич недоумевал. Если какой-то РДС умудряется платить такие высокие проценты, то почему так мало платят банки?

– Виталий, давай семьсот тысяч положим в РДС, – предложила Ольга Алексеевна.

– Так это все наши деньги, – попытался возразить Виталий Юрьевич. – А если какая-нибудь афера? Тогда у нас во-

обще ничего в запасе не останется. Те, что в банк положили, – не в счет, это на машину.

– Давай на месяц положим, а потом снимем с процентами. РДС уже почти два года работает, а уж за месяц-то ничего не случится.

Слова жены звучали убедительно. Но Виталий Юрьевич колебался. С одной стороны, РДС – не сберкасса, не банк. Это какая-то новая структура. Так ведь и сама экономика в стране другая, рыночная. А это значит, возможны другие, отличные от социалистической плановой экономики, формы. С другой стороны, если РДС два года существует, значит, на законных основаниях… И Виталий Юрьевич сдался.

– Ну, давай, согласился он. – Только надо все получше разузнать.

Операционный зал, где оформлялись договора с РДС, не шел ни в какое сравнение с банком «Менатеп», но все выглядело пристойно: тоже современная мебель, компьютеры, кресла для клиентов, ожидающих своей очереди. Из проспекта с девизами «С РДС – в новую жизнь» и «С нами надежно и спокойно» Виталий Юрьевич узнал, что РДС – это крупнейшая финансово-инвестиционная компания России, что «Русский Дом селенга» действует уже два года на российском финансовом рынке, что по всей стране открыты сотни филиалов дочерних компаний РДС. Сеть РДС охватывала Украину, Казахстан, Киргизию. В проспекте давались адреса многочисленных филиалов РДС в Орле, Брянске, Курске,

Смоленске и в других городах. Процентные ставки за два года выросли со 103 процентов до 517. На стене висела таблица роста вкладов по дням из расчета ежедневного увеличения каждой вложенной тысячи на пять рублей. И получалось, что уже через месяц их семьсот тысяч принесут им 116855 рублей, а через четыре месяца взнос почти удвоится.

– За счет чего же обеспечивается такая большая процентная ставка? – наконец, задал вопрос, который в первую очередь беспокоил его, Виталий Юрьевич.

– Всё очень просто, – деловито объяснил оператор. – Мы вкладываем ваши деньги в самые прибыльные предприятия не только в нашей стране, но и за рубежом. Наша компания накопила не только огромный капитал, но и ценнейший опыт ведения финансовой политики. Самые опытные специалисты рассматривают все выгодные варианты для вложения средств и разрабатывают планы развития компании.

«Почему же государство не делает этого?», – подумал Виталий Юрьевич, но ответ был более чем убедительный, и они решились. Ольге Алексеевне выписали «Операционную книжку текущего селенга», предварительно заключив с ней двухсторонний договор. Документы тоже выглядели солидно.

Через пару месяцев Виталий Юрьевич зашел в банк «Менатеп», чтобы посмотреть, на сколько увеличились процентные ставки, но с удивлением узнал, что они снизились до семидесяти процентов. Домой Виталий Юрьевич пришел рас-

строенный и зло прокомментировал ситуацию.

– Что это за банк, если у них не хватает ума заставить капитал работать. РДС может, МММ может, а банк «Менатеп» не может.

– Может эти деньги тоже в РДС положить, – осторожно предложила Ольга Алексеевна. – Смотри, у нас вместо семисот тысяч уже больше миллиона лежит.

Виталий Юрьевич целый день думал, нервно ходил по залу из угла в угол, а вечером позвонил Алексею Николаевичу:

– Алеш, ты про РДС слышал?

– Слышал, слышал, – добродушно отозвался басом Алексей Николаевич на другом конце провода. – Каждый день по радио жужжат.

– И что ты думаешь о них?

– А ничего не думаю. Такие проценты дают, что страшно становится.

– Да то-то и оно… Но ты скажи, деньги им можно доверять?

– А я откуда знаю? – удивился Алексей Николаевич. – Люди несут. И что самое удивительное, последнее продают, машины, даже квартиры, и несут.

– Ты же профессор! – не отставал Виталий Юрьевич. – Ты же должен ориентироваться в этих делах.

– Я советский профессор, к тому же больше историк, чем экономист. Ты что, забыл? – усмехнулся Алексей Николаевич. – Тем более что сейчас почему-то все вверх ногами хо-

дят, а головы у многих, как сказал один мой коллега, между ног… Ты понимаешь, Виталик, существование в государстве таких структур как РДС, МММ, Хопер – ненормально. Огромные денежные потоки плывут мимо государственных сбербанков и работают на частные компании. Это параллельные структуры, подрывающие финансовую систему государства. И я удивляюсь, что они уже два года функционируют.

– Так они налоги какие платят! – возразил Виталий Юрьевич.

– Налоги – это само собой. Но это мелочь по сравнению с теми деньгами, которыми владеет любая МММ.

– Так можно что-то положить в тот же РДС? – не отставал Виталий Юрьевич.

– Положить-то можно. Моя Верка положила пятьсот тысяч. Она ждет, когда набежит миллион, а я жду, когда государство все же прикроет эти шараги.

– Ну, если два года не прикрывают, то уж полгода-то еще РДС продержится? – сказал Виталий Юрьевич, убеждая больше себя, чем своего приятеля.

– Кто знает? Может и год продержатся. Я ж не знаю, что там на уме у Геращенко, тем более у министра финансов Дубинина.

На том разговор и закончился. Ночью Виталий Юрьевич ворочался с боку на бок, все решал задачу с десятью неизвестными, есть у него в запасе несколько месяцев, чтобы удвоить свои миллионы или нет.

Утром он пошел в банк, снял все свои сбережения и отнес в РДС.

А через два месяца, в июле 1994 года, власть вдруг мощью Минфина, ГКАП[5] и ГНИ[6] по сигналу Черномырдина обрушилась на МММ. Пошли многочисленные публикации, в которых основателя компании Мавроди назвали профессиональным мошенником, который уже давно перекачал все деньги акционеров за рубеж. Мавроди огрызнулся: «А куда же тогда смотрела налоговая полиция до сих пор? И о какой пирамиде может идти речь, если на прибыль по одной только организации начислено 50 миллиардов рублей налога. У пирамиды прибыли быть не может». Народ повалил забирать свои деньги. Паника росла как снежная лавина, усугублялась тем, что наличных на оплату сразу всем не хватало, и привела, в конце концов, к полному краху финансовой компании. Компания была обречена.

Вскоре неприятности обрушились и на РДС. Причем, творилось что-то непонятное. В Астраханской области налоговая полиция вскрыла денежное хранилище РДС, а зам начальника полиции заявил: «Это деньги государственные!» Речь шла о сотнях миллиардов рублей. Сотрудники той же полиции сами состояли вкладчиками РДС, но успели расторгнуть свои договора и забрать деньги вместе с премия-

---

[5] ГКАП – Государств. Комитет Российской Федерации по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур.

[6] Государственная налоговая инспекция.

ми. Следом были вскрыты двери денежного хранилища РДС в Нижнем Новгороде и вывезена вся наличность. То же повторилось и в Томске, и повсеместно. А в Иркутске силами ОМОН и налоговой полиции был арестован самолет компании «РДС-авиа» с инкассаторами, которые сопровождали девять миллиардов рублей.

Вслед за этим последовал президентский указ «О защите интересов инвесторов», который предписывал РДС и другим компаниям, осуществляющим операции по привлечению свободных денежных средств, «привести свою деятельность до 1 января 1995 года в соответствии с настоящим указом и обеспечить безусловное выполнение взятых на себя обязательств перед клиентами». Однако уже было ясно, что «выполнить свои обязательства перед клиентами» ни РДС, ни кому другому не дадут. Это противоречило бы интересам государства.

Таким образом, палка одним концом ударила по инвестиционным компаниям, а другим опять по населению, среди которого значительную часть составляли малоимущие, пенсионеры и инвалиды, которые хотели поправить свое бедственное положение. Народ, обманутый государством, не вернувшим ему его вклады в госбанках до 1991 года, был обманут им в очередной раз. Власть молча взирала на то, как народ несет деньги мимо государственных учреждений, которым не верил, брала огромные налоги с МММов и РДСов, пользовалась заемами, а чиновники сами вкладывали огром-

ные суммы в финансовые инвестиционные компании, но при этом лучше, чем простой народ ориентировались в ситуации и вовремя и в первую очередь смогли забрать свои деньги, утроив и даже удесятерив свои капиталы, а потом ударили так, что щепки полетели. Только щепками этими были люди. Один МММ имел 46 миллионов акционеров…

Виталий Юрьевич слег. У него поднялось давление, чего раньше не бывало, болела голова. Всю неделю держалась температура. Он был раздавлен. Ольга Алексеевна старалась лишний раз не лезть к нему с разговорами и молча ухаживала за ним: готовила чай с малиной, давала таблетки папаверина и цитрамона, да тяжело вздыхала, а он был благодарен ей и вспоминал слова Экклезиаста: «Двоим быть лучше, чем одному. Если упадешь, другой поднимет».

На второй день болезни забежала Лена, подруга дочери.

– Ой, Леночка! – обрадовалась Ольга Алексеевна. – Сам Бог тебя послал.

– Здрасте, тетя Оль! Где тут у нас больной? – бодро сказала Лена.

– А я не хотела тебя беспокоить.

– Как вам не стыдно, тетя Оля! – обиделась Лена. – Я же к вам с первого класса домой, как к себе ходила, даже подъезды путала. Чтоб я таких слов больше не слышала, – нарочито строго добавила Лена. Она сбросила туфли и прошла в спальню, где лежал Виталий Юрьевич.

– Здрасте, дядя Вить! Когда заболели? – спросила Лена,

садясь на стул, услужливо подставленный Ольгой Алексеевной.

– Здравствуй, дочка! – буркнул Виталий Юрьевич.

– Второй день сегодня, – ответила за мужа Ольга Алексеевна.

– Вот вчера и нужно было позвонить мне, а то мне Мила звонит.

– Да у тебя своих забот хватает, а тут мы еще будем надоедать.

– Ой, тетя Оля, – укоризненно покачала головой Лена. – Что болит, дядя Виталий?

– Давление, температура, – зачастила Ольга Алексеевна. – Голова болит.

– Сейчас послушаем, померяем давление.

Мила достала тонометр. Виталий Юрьевич безропотно дал себя послушать, послушно дышал и не дышал.

– Ну, – сказала Лена. – Давление, кстати, невысокое. – Сейчас голова болит?

– Болит. Вчера вечером и ночью сильно болела. К утру еле уснул.

– Давление часто повышается?

– Да нет, как-то Бог миловал.

– Что-нибудь принимали?

– Я ему цитрамон вчера дала, – ответила за мужа Ольга Алексеевна.

– Ну, ничего страшного нет. Я сейчас укольчик сделаю:

папаверин и димедрольчик. Станет полегче. После димедрола захотите спать, поспите. И постарайтесь не волноваться. А это в аптеке купите. Настойка пустырника и папаверин в таблетках, если у вас кончится.

Лена выписала два рецепта и оставила на прикроватной тумбочке.

– Как у тебя самой-то дела? – спросила в прихожей Ольга Алексеевна. – С больными трудно, небось?

– Да я привыкла. Конечно, устаю. Полторы ставки, ночные дежурства. А ставка врача, как и учителя… Да сами, тетя Оль, знаете. Особо не разгонишься. Ладно, я побежала. Завтра зайду. Да, тетя Оля, совсем забыла. Моей маме позвоните, она чего-то хотела.

Последние слова донеслись уже из тамбура, когда Ольга Алексеевна закрывала двери.

В том, что они лишились всех своих денег, Виталий Юрьевич винил только себя. Ведь сомневался же он, чувствовал, что здесь попахивает какой-то авантюрой. Да и не в его принципе было пользоваться «халявой», в какой бы упаковке она ни была преподнесена.

Выздоровление сменилось депрессией. Виталий Юрьевич целый день сидел в кресле, тупо уставившись в телевизор, или молча ходил по комнате, сдвинув брови к переносице, отчего походил на ночную птицу филина.

Ольга Алексеевна не выдержала и позвонила Алексею Николаевичу, который должен был вернуться с какой-то конфе-

ренции из Москвы. Тот пришел вечером с бутылкой водки. Ольга Алексеевна было возразила, но Алексей Николаевич прижал палец к губам и весело подмигнул. Ольга Алексеевна махнула рукой и пошла на кухню за закуской. Она поставила на стол маринованные огурчики, нарезала сальца из морозилки, и оно розоватыми пластиками с темными мясными прожилками аппетитно лежало в тарелке.

– Сейчас разогрею картошку, – сказала Ольга Алексеевна и оставила друзей вдвоем.

– Зря ты раскис, – добродушно сказал Алексей Николаевич, после того как они выпили водки. – Вот этого я от тебя никак не ожидал.

– Ничего себе, зря. Почти два миллиона псу под хвост. Можно сказать подарил. Только кому – не знаю.

– Нехорошо, обидно! Но не смертельно. У моей Верки тоже миллион накрылся, – беззаботно засмеялся Алексей Николаевич.

– Ты же говорил, пятьсот тысяч, – напомнил Виталий Юрьевич.

– А проценты? С процентами уже около миллиона набежало. Так Верка моя уже их мысленно своими кровными считала. Я говорю, снимай, Вер, снимай, пока не поздно. Нет, говорит, еще месяц подожду. Вот и дождалась.

– Алеш, но ведь кто знал, что вот так вдруг. Такие деньги! – Ольга Алексеевна молитвенно сложила руки на груди.

– Вот-вот. Жадность нас и подводит. Ну, как говорится,

снявши голову, по волосам не плачут.

– Factum est factum, – вяло произнес Виталий Юрьевич.

– Во-во. Что сделано, то сделано. Пусть тебя утешит то, что ты не один такой. Знаешь, сколько людей последнее потеряли? У нас в институте лаборантка трехкомнатную квартиру обменяла на однокомнатную, а разницу вложила в МММ, хотела дочери с зятем отдельную квартиру и машину купить. Теперь молодые живут у его родителей в двухкомнатной квартире, а лаборантка наша в психушку попала. Вот это трагедия. А у тебя так – неприятность. Уж если Бог не дал счастья быть полным дураком, то приходится крутиться, терять и начинать все сначала… И побрейся, смотреть тошно.

– Говорят, сейчас небольшая небритость в моде, – пошутил Виталий Юрьевич.

– Ага, если ты молодой миллионер, а на тебе безукоризненный фрак, а не кроссовки и мятый пиджак.

Глава 8

Виталий Юрьевич написал свои пять страниц рукописного текста, откинулся на спинку кресла и потянулся, расслабляя затекшие члены, потом встал, включил телевизор и с отрешенным видом смотрел на экран, все еще оставаясь во власти той реальности, в которой жили герои его романа. На экране извивались в танце полуобнаженные юные дивы, а юноша с множеством тонких косичек с вплетенными в них разноцветными лентами, долбил что-то монотонным речитативом, приплясывая, жестикулируя и все время тыча указательным пальцем прямо в него, Виталия Юрьевича. И также безразлично он смотрел на Шуфутинского, который пел «Душа болит, а сердце плачет», а позади него плавно поворачивались то в одну, то в другую сторону и синхронно работали руками три одинаковые как близнецы барышни – бэк-вокал… Иногда Виталий Юрьевич чувствовал себя каким-то посторонним в этом мире, и тогда на все смотрел как бы из другого измерения. И тогда ему странно было видеть, как человек кривляется на сцене, изображая что-то, что Виталию Юрьевичу казалось совершенно бессмысленным, и он не понимал, зачем это? Вот пение. Человек ведь, по существу, орет, только старается делать это красиво. В Брянских деревнях до сих пор говорят не «спеть», а «скричать»: «Мань, давай скричим песню». Однажды Виталий Юрьевич

на каком-то гастрольном концерте, с коими в их город зачастили алчущие звезды, и куда его затащила Ольга Алексеевна, едва сдержался, чтобы не расхохотаться, и Ольга Алексеевна даже больно толкнула его в бок, а он подумал, не спятил ли он уже с ума. Но нет, все его поведение оставалось разумным, и искусство, которое он считал настоящим, он воспринимал адекватно. Просто ему казалось, что эта оголтелая свора, которая вдруг вылезла на телеэкраны, – побирушки, только подают им несоизмеримо больше, чем на паперти. Это был бизнес, шоу-бизнес.

Когда-то театр и эстрада были чем-то прикладным, второстепенным. До 1861 года на подмостки сцены вообще выходили в основном крепостные, да и после актерство считалось занятием низким. И в советское время профессия артиста была хотя и уважаемой, но малооплачиваемой, приравниваемой к забитой категории бухгалтеров. Известно письмо руководства МХАТа к Сталину, где оно жаловались на низкие ставки артистов. Актеры получали семьсот дореформенных рублей, заслуженные – тысячу двести, и только титаны сцены типа Станиславского или Немировича-Данченко – по две тысячи рублей[7]. С другой стороны, для государства – это надстройка: артисты ничего не производят и служат для увеселения деловой части населения. В новое время быть артистом стало престижно, и денежно. Молодежь напропа-

[7] После денежной реформы 1961 г. – соответственно, семьдесят, сто двадцать и двести рублей.

лую двинула в шоу-бизнес. Совершенная звукозаписывающая техника позволила компенсировать отсутствие голоса и таланта. Сбитый с толку народ вместо «Я вас любил, любовь еще, быть может, в моей душе угасла не совсем», вдруг запел «Муси-пуси, я боюси» и «Я твой тазик». Благо, цензура была упразднена. Пошлость, словно дикорастущий плющ, опутала культуру и быт. Менее развлекательные программы были задвинуты на ночное время, и молодые, агрессивные теледеятели стали играть на низменных чувствах людей, пробуждая в них звериную жестокость, убивая жалость и сострадание, и подменяя истинное, то, что в человеке издревле считалось ценным, суррогатом зэковских понятий, компенсируя свой дьявольский труд миллионами за рекламу, которая стала неотъемлемой частью всего телевидения и составила существенную его часть. Блатная субкультура становилась культурой. И самое печальное в том, что все это проповедует интеллигенция, получившая свободу, и предавшая свой народ.

Есть такая категория людей, которая не привыкла думать и не хочет думать, но хочет жрать, и жрать хорошо. Этим людям не знакомо понятие чести, они не имеют совести, для них чужое как свое, они не знают чувства сострадания, они могут изнасиловать, избить женщину, походя оскорбить, нахамить, они плюют на закон, не утруждая себя пониманием того, что, пренебрегая законом, они ввергают страну в хаос. Кто-то назвал их «быдлом», а кто-то оскорбился, считая, что

выражение это больше подходит для скота, но все мы – часть животного мира, и если кто-то из нас стоит на таком примитивном уровне, то и понятие «быдло» для нас в самый раз… Это «быдло обывательское». А есть еще «быдло гламурное», которое не лучше обывательского и отличается от него только тем, что оно состоятельное, но от него больше зла, потому что оно публично и имеет доступ к массовой публике через телевидение…

Литературный язык, язык Тургенева и Чехова, стал мешать. Дума заговорила на «фене». Академик Лихачев, один из последних столпов культуры и русского литературного языка, образец ученого и гражданина, пример для Виталия Юрьевича, молчал…

– Виталий, – прервала раздумья Виталия Юрьевича голос жены. – К тебе Алексей Николаевич.

– Зови! – Виталий Юрьевич без сожаления нажал на кнопку пульта и выключил телевизор, где шел концерт в честь Дня независимости России.

– Привет, Леш, садись! – мрачно сказал Виталий Юрьевич, пожимая руку другу.

– Так я и принес, – весело откликнулся Алексей Николаевич, ставя на журнальный столик бутылку «Экстры».

– Ну зачем? – сморщился Виталий Юрьевич. – Что, у меня бутылки водки не найдется?

– Ничего, твою в следующий раз выпьем, – заверил Алексей Николаевич. – А ты чего такой кислый сидишь?

– Да так. Вот академика Лихачева вспомнил. Сделал для России больше всего депутатского корпуса вместе взятого, заслужил вечную память всех культурных русских, хранитель и бессменный директор «Эрмитажа» оказался ненужным… Ты знаешь, сколько Лихачев получает? Шестьдесят пять долларов.

В голосе Виталия Юрьевича была и ирония, и горечь.

– Твои сведения немного устарели, – возразил Алексей Николаевич. – Теперь Российский академик имеет пенсион в 300 долларов. Для Европы – это, конечно, ничего, а для нас, на фоне общей нищеты это вполне осязаемо.

В зал вошла Ольга Алексеевна и поставила на журнальный столик рюмки, тарелку с маринованными огурцами, целую разогретую картошку и немного нарезанной дольками колбасы.

– Больше ничего, что-ли, нет? – недовольно сказал Виталий Юрьевич.

– Могу кильку дать, – усмехнулась Ольга Алексеевна.

– Только не кильку, – наотрез отказался Алексей Николаевич. – Он ее есть не умеет. Отрезает хвосты, потом голову, потом начинает чистить внутренности, да еще пытается счистить чешую, которой нет. Без слез смотреть на это невозможно. У нас в институте тоже одна преподавательница за обедом берет хлеб двумя пальцами и объедает его вокруг, оставляя ту часть, которую держала, потому что боится микробов.

– Совершенно разные вещи, – обиделся Виталий Юрьевич.

– Но из того же ряда, – засмеялся Алексей Николаевич.

– Ну, тогда хватит с вас! – не обращая внимания на мужа, сказала Ольга Алексеевна. – Вечером Мила придет, тогда и поешь.

– Алексей, а что Вера? – повернулась к Алексею Николаевичу Ольга Алексеевна. – Пришли бы вместе, посидели. Что вам, мужикам, за удовольствие? Сели вдвоем, выпили и пошли мировые проблемы решать.

– Так приходите к нам вечером. Вера, кстати, привет передавала и звала.

Нет, Алеш, спасибо за приглашение. Вечером Мила заскочить обещала. С ней, да с внучкой побудем.

Таисия Ивановна ушла на кухню. Виталий Юрьевич разлил водку по рюмкам. Мужчины выпили и молча захрустели маринованными огурцами.

– Так вот, про академиков, – заговорил Алексей Николаевич. – Недавно Академия наук избирала новых членкоров и академиков. Это мне рассказывал один мой бывший докторант из Москвы. Избрание носило в этот раз крайне нервный характер. Вот как раз в связи с тем, что по новому указу академик будет получать теперь 300 долларов. С одной стороны, и лицо нужно сохранить, и мимо денег не пролететь. Конечно, не всем удавалось спрятать эмоции… Говорят, за некоторых было стыдно.

– Ну, слава Богу, хоть академикам что-то подкинули. – Виталий Юрьевич скривил губы в иронической усмешке. – Теперь бы еще народных артистов вспомнить.… Как-то показали квартиру Юматова. Убогость. Беднее некуда. А просить – гордость не позволяет. Где-то я прочитал, что Николай Гриценко из Вахтанговского в больнице таскал из холодильника чужую еду. Хотя, правда, был он уже в преклонном возрасте и никого не узнавал.

– А на всех пирог не испечешь. Из каких шишей давать, если годовой бюджет России меньше годового бюджета одного Нью-Йорка, – резонно возразил Алексей Николаевич. – А что ты за артистов так ратуешь? Ты же вроде их не очень жалуешь.

– Отнюдь, – возразил Виталий Юрьевич. – Это я халтуру не жалую… Мы с тобой – рядовые граждане или, как нас теперь придумала называть власть, – электорат, а я говорю о людях, которые являются цветом нации, авангардом интеллигенции.

– Ну, допустим, и это не секрет, что интеллигенцию в России никогда не любили, а при советской власти особенно. Ленин, если ты помнишь, называл интеллигенцию «говном».

– Это он называл так интеллигенцию как прослойку, то есть абстрактную массу, за конформизм. Сам-то он был, несомненно, интеллигентом, как и многие из его окружения.

– Во-первых, то, что Ленин принимал за конформизм – элементарное великое терпение, что, как известно, являет-

ся нашей национальной чертой. Во-вторых, что это за «прослойка» такая? Если на то пошло, то в мире нет понятия «интеллигенция». «Интеллигент» есть, и это в переводе с английского просто «умный, образованный». А слово «интеллигенция» вообще не имеет перевода и считается понятием чисто русским.

– Английскому меня учишь? – усмехнулся Виталий Юрьевич.

– Ладно, ладно! Не учу. Куда мне до тебя? – добродушно откликнулся Алексей Николаевич. – Но некоторые-то английские слова я знаю?.. Если я говорю «интеллигенция», я имею в виду отдельных людей – интеллигентов.

В карих глазах Алексея Николаевича горел огонек. Он находил особое удовольствие в споре с Виталием Юрьевичем. Виталий Юрьевич быстро заводился и бросался в спор как в омут, с головой. Он был начитан, в его голове вмещалось огромное множество сведений из разных областей знаний, он увлекался древнегреческой культурой, мифологией, языками, парапсихологией и мог читать наизусть целые страницы из классической литературы, но все это было как-то неорганизованно, несисистематизированно, не разложено по полочкам, а сумбурно свалено в кучу в его мозговой кладовой. И Алексею Николаевичу, имеющему широкие познания только в своей истории и политэкономии, но обладающему твердой логикой и ясным мышлением, подчиненным этой логике, удавалось всякий раз склонить друга к своей точке

зрения, облекая мысль в более точные понятия, и, таким образом, делая спор рациональным.

– Здрасте! – пропел Виталий Юрьевич. – Ты почитай Андрея Битова. Он очень хорошо определяет понятие «интеллигенция».

– И что же такое интеллигенция в его понятии? – со снисходительной улыбкой спросил Алексей Николаевич.

– Изволь. Во-первых, это гораздо больше и реже, чем образованность, – это поведенческая культура. Интеллигентным человеком может быть и крестьянин, и ремесленник. Тот же академик Лихачев говорил, что интеллигентом невозможно прикинуться. Прикинуться можно умным, щедрым. А интеллигентом нет. Лихачева, например, даже когда он ходил в арестантской робе, выдавали глаза.

– Ну вот, ты говоришь об интеллигентах, о людях, которых можно найти в любой среде, – упрямо возразил Алексей Николаевич. – В компьютерном мире «интеллигентностью» считается способность машины к обучению, к самосовершенствованию. Это, пожалуй, точнее всего отражает мое восприятие. Не механически научиться, а изменить себя на основе знания, опыта, изменить манеру поведения. Вот и все. И нет никаких прослоек, которые пытаются создать искусственно, как и само понятие…

– Это что-то мудреное, – вяло сказал Виталий Юрьевич. – Я понимаю, как понимаю. А в том, что ты говоришь, без поллитры не разберешься. Давай-ка лучше выпьем.

Виталий Юрьевич налил в рюмки водки.

Они выпили. Алексей Николаевич нюхнул ломтик черного хлеба и отправил в рот кружок колбасы. Прожевал и сказал:

– Знаешь, где-то я прочитал, что есть много форм зависимости и рабства в таких привлекательных вещах как любовь, дружба, творчество… И пьянство – одно из них.

– А жить в России и не пить почти невозможно. Только для большинства пьющих это становится проблемой, – тотчас отозвался Виталий Юрьевич.

– Это потому, что у нас пьют не для удовольствия, а для соответствия, – Алексей Николаевич поднял назидательно вилку с надкусанным огурцом.

– Соответствия чему?

– Теме наших разговоров, которые не о погоде и блюдах, а непременно о мировых проблемах, как говорит твоя Ольга Алексеевна. Мы, как альпинисты, знаем, что это опасно, и не можем толком объяснить, зачем нам это нужно.

– Это ты точно сказал, – согласился Виталий Юрьевич. – В связи с этим я опять упомяну Андрея Битова. Про водку. Битов рассказывает, как он однажды распил бутылку с работягой в полтора центнера весом, который перевозил его мебель. Выпив столь небольшое количество спиртного, он распался буквально на глазах. На следующий день Битову довелось выпивать с хрупкой поэтессой. Они выпили гораздо больше, а она оставалась трезвой, и ум ее был ясным – будто

и не пила! Когда Битов рассказал ей о работяге, с которым недавно выпивал, она сказала томно: «Но ведь это не я, Андрюша. Это дух мой пьет».

Алексей Николаевич от души рассмеялся, вытер подушечками пальцев слезы на глазах и уже серьезно сказал:

– Да, дух – великая сила. В критических ситуациях на войне, в застенках, в ГУЛАГах именно интеллигентов не могли сломить. А вот тот же работяга, «гегемон», ломался моментально.

Они выпили еще по рюмке, закусили оставшейся колбасой и сидели, расслабленно откинувшись на мягкие спинки кресел, совсем не пьяные, но подобревшие, довольные и счастливые в своей многолетней дружбе.

Они познакомились в Университете, где Виталий учился на ин`язе, а Алексей на историческом факультете. Свел их преподаватель, молодой кандидат филологических наук Игорь Владимирович с необычной фамилией Зыщерь. И ростом и статью Игорь Владимирович походил на Маяковского, любил его стихи и замечательно их читал. Только лицом Игорь Владимирович не вышел. Мясистый нос, глаза-буравчики, оттопыренные уши и по-негритянски вывернутые губы. Но эта некрасивость пропадала, когда Зыщерь начинал говорить. Говорил он образно и интересно. Язык его украшали точные метафоры и меткие сравнения. Через минуту-другую общения с ним никто уже не замечал его оттопыренных ушей и мясистого носа. Студентки писали на столах «Люблю

Зыцеря». А он на свою беду полюбил одну из тех, которой был безразличен. Эта безответная любовь, в конце концов, привела к тому, что он перевелся в Тбилисский университет, с которым вел переписку, и где была возможность вплотную заняться изучением культуры и письменности, предмета его увлечения – басков. Сначала Виталий Юрьевич изредка переписывался с Игорем Владимировичем, потом переписка как-то сама собой сошла на нет, и лишь через много лет ему на глаза попалась большая статья о докторе филологических наук Зыцере в одном журнале, где о нем писали как о крупнейшем специалисте в области баскской культуры. Больше Виталий Юрьевич об этом замечательном человеке ничего не слышал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.